

Сергей Арно

Живодерня 2 (Право на жизнь)

18+

Сергей Арно

Живодерня 2. Право на жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Арно С.

Живодерня 2. Право на жизнь / С. Арно — «ЛитРес: Самиздат», 2007

В городе происходят бессмысленные и изощренные убийства. Илья и Сергей идут по следу убийцы. После множества опасностей они выясняют, что еще с древних времен, когда по Руси ходили кукловоды с вертепами и показывали кукольные представления, начинались эпидемии бессмысленных убийств. Этот «вирус» безумия мог жить в человеке многие десятилетия, но в какой-то момент просыпался... И тогда человек уже не знал, что творит, он убивал из озорства, для веселья... Это безумие заразно. И неизвестно, в ком еще дремлет бессмысленный убийца.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Часть 1

Глава 1

ЗАВЕЩАНИЕ КИТАЙЦА

Десятью днями раньше, до того как милиция и части спецназа обложили кладбище, глубокой ночью в психиатрической больнице случилось никем не замеченное происшествие.

Двое людей в белых халатах, стараясь не шуметь, внесли в палату для тяжелобольных носилки, на которых лежало что-то, прикрытое белой простыней. Без суеты и спешки они поставили носилки на пол, бесшумно подойдя к одному из спящих, наложили на лицо ему подушку и тихонько удавили, так что он и пикнуть не успел. Удавленным был человек, когда-то носивший кличку Малюта, – бывший депутат Думы и самозванец, присвоивший себе имя крестного отца петербургской мафии Китайца.

На носилках оказался труп неизвестного человека. Его водрузили на кровать вместо Малюты и придали позу спокойного сна. Малюту же переложили на носилки, накрыли простыней и вынесли из палаты. По лестнице носилки с мертвым человеком спустили во двор. Там их уже ждала машина «скорой помощи». Тело лжекитайца загрузили в кузов, и машина, миновав ворота, выехала с территории больницы.

Километрах в трех, у пустыря, «скорая» остановилась. Ее поджидали трое мужчин. Носилки с лжекитайцем вытащили из машины. Один из встречавших – широкоплечий человек с родимым пятном на щеке – склонился над носилками, отогнул край простыни, осветил фонариком посиневшее от удушья лицо и удовлетворенно хмыкнул.

– Давайте, – сказал он, отходя в сторону.

Малюту сбросили с носилок на землю... Дальнейшее зрелище было не для слабонервных: в течение двадцати минут труп лжекитайца, освещаемый светом фонарей, пинали ногами, били бейсбольными битами, дробя кости скелета и черепа, пока тело его не превратилось в мешок с костями. Потом кто-то принес топор, и Малюте ловко оттяпали руки, потом – ноги и уже напоследок – голову. Главный, у которого на щеке было родимое пятно, по обычаю предков, за волосы высоко поднял голову над собой и постоял так минуту. Но поза с отрубленной головой в руке была уж чересчур театральной, выглядела несерьезно и у бандитского люда благоговения не вызвала. Должно быть, поняв это, он опустил голову и, буднично взглянув на часы, цокнул языком.

– Задержались. Пора домой.

Обезображенные части Малюты, не соблюдая порядка, побросали обратно на носилки, накрыли простыней, загрузили в «скорую помощь». Машина развернулась и поехала в обратную сторону.

Миновав ворота психбольницы, машина направилась не к тому корпусу, в котором располагалось отделение и откуда вывезли тогда еще невредимый труп временного главаря петербургской мафии, а к стоявшему особняком одноэтажному зданию с трубой. Это был больничный крематорий, где сжигали безродных дуриков. Носилки с останками занесли туда...

К утру от самозванца Малюты осталась лишь горстка черного пепла, поместившаяся в небольшой урночке. Но и тогда прах его не обрел покоя. Урну вывезли к Финскому заливу и пепел из нее высыпали в воду.

Зачем потребовалось устраивать это представление?! Должно быть, такова судьба всех самозванцев. Но перед исполнением завещания шли долгие споры: по тем растерзанным взрывом и обгорелым останкам, обнаруженным на месте последнего обитания, нельзя было вос-

становить внешность погибшего и с уверенностью утверждать, что это был Китаец. И все же завещание решили выполнить со всеми указанными в нем подробностями. Тем более что завещание это было уже третьим, причем каждый раз, когда Китаец объявлялся после своей «смерти», он сурово наказывал ослушников за просчеты в выполнении пунктов завещания. Поэтому на сей раз все проделали со скрупулезной точностью. Больше в нем не имелось никаких указаний. И только в конце большими уверенными буквами было написано:

«Я ВЕРНУСЬ»

Глава 2

И ДЕВА ГОЛАЯ ВО ТЬМЕ

– Какое счастье, что мы убрались с этой живодерни, – проговорила Жанна, виновато улыбнувшись Илье и поворачивая автомобиль в узкую улочку. – На операции по травле людей газом настоял полковник Бойко. Лично я была против.

Илья не отвечал. Сидя рядом с Жанной на переднем сиденье ее иномарки и глядя на профиль, нежные руки, светлые стриженные волосы, очертание губ, он испытывал сильное чувство страсти. Это чувство было новым для Ильи. Прежде он видел в Жанне предмет платонического обожания, – сейчас его разрывала изнутри страсть. Такой очаровательной, такой влекущей женщины он не встречал никогда в жизни.

– Ну и где мы с тобой будем гараж искать, если ты адреса не знаешь? – улынулась Жанна, бросив на Илью лукавый взгляд.

Ей было приятно, что он смотрит на нее с таким обожанием.

– Как не помню? Там мост еще здоровенный был... – Включаясь в реальную жизнь, Илья оторвал взгляд от лица Жанны и метнул его в окно.

– Может быть, на Васильевском?

– Нет! Там Петропавловская крепость рядом.

– Теперь понятно.

Жанна развернула машину, и они поехали в обратную сторону. Илья не знал, куда они едут. Пару раз Жанна сделала ускорение, обойдя несколько вяло движущихся машин.

– Ты самая красивая женщина из тех, кого я встречал в своей жизни, – сказал он, не сводя с нее глаз.

Жанна улынулась, одарив его взглядом очаровательных голубых глаз. От этого взгляда внутри у Ильи все перевернулось.

Не отвечая на слова Ильи, Жанна достала откуда-то из-под сиденья небольшую черную рацию, выдвинула антенну – шелкнул тумблер, загорелся красный огонек.

– Полина слушает, – почти сразу раздался из рации женский голос.

Илья с легким недоумением следил за действиями Жанны.

– Это Жанна. Тут за мной какая-то машина увязалась. Что им нужно, не пойму. Проверьте. Черная БМВ – 92-го года выпуска, номер... – Жанна назвала номер и снова, не сбрасывая скорость, повернула – Я нахожусь на Петроградской, по Кировскому направляюсь к Большому проспекту. В конце Большого возле стадиона поверну направо, там можно их взять.

– Все поняла, Жанна. Буду на связи.

Жанна выключила рацию и положила рядом с собой. Илья все еще не мог понять, что происходит. Жанна снова сунула руку под сиденье, туда же, откуда достала рацию, и извлекла пистолет. Не сбавляя скорости и держа руль локтями, она передернула затвор, досылая патрон в патронник, шелкнула предохранителем и положила пистолет рядом с рацией.

И тут, увидев пистолет в ее нежных руках, Илья наконец догадался оглянуться. Но описанной Жанной машины не увидел. Прямо за ними тарахтел «запорожец», дальше – «жигули». Где Жанна узрела иномарку?..

– Сейчас увидишь, – поняв его недоумение, сказала Жанна, улыбнувшись, и резко прибавила скорость, обойдя громыхающий впереди грузовик. Тотчас из-за «жигуленка» выскочила черная иномарка, обошла «запорожец» и тут же спряталась за грузовик.

– Давно уже на хвосте сидят. Хорошо работают, даже я не сразу заметила, – похвалила Жанна.

– Кто это такие, что им нужно? – встревожился Илья.

Ему вдруг стало страшно за эту красивую хрупкую женщину. Они свернули на Большой проспект.

– А вот сейчас узнаем, кто такие.

Запикала рация.

– Это Полина. Будь осторожна, девочка, этот номер у нас не значит. В конце Большого ждут. Твой проход между двумя КамАЗами.

– Хорошо. Спасибо, Полина Петровна.

– Желаю удачи.

Илье было тревожно. Какие люди могли следить за Жанной, женщиной, работавшей в такой могущественной структуре? Неужели люди Китайца? Но ведь, по данным Жанны, он мертв. А кто, кроме Китайца, рискнет организовать слежку за работниками спецслужбы?.. Илья снова оглянулся и снова не увидел машины с преследователями, но, приглядевшись хорошенько, заметил торчащую из-за «рафика» фару иномарки. Илья посмотрел на Жанну. Он впервые видел ее в напряженную минуту, это была как будто другая женщина. Такой она нравилась Илье еще больше... Но нет, и другой она нравилась ему больше, и такой... Он сознавал, что просто любит ее всякую, в любой момент ее жизни.

Теперь Жанна не увеличивала и не сбавляла скорость, увлекая «хвост» в поставленную в конце Большого проспекта ловушку.

– Если мало ли что начнется, – предупредила Жанна, посмотрев на Илью, – ложись на сиденье и лежи...

– Ну да! Вот еще! – возмутился Илья, бросив взгляд на пистолет. – Не боюсь я ничего.

– Прошу тебя, не нужно меня расстраивать.

Илья промолчал – было не время для пререканий. Сейчас, когда сзади маячила угроза, Илья особенно остро ощутил, как легко может потерять эту женщину.

В конце Большого машина Жанны перестроилась в правый ряд, БМВ проделала то же.

– Ну, давайте, молодцы... – шептала Жанна, следя за машиной и словно подбадривая преследователей. – Когда повернем, пригнись, – сказала она Илье. Рука ее быстро скользнула к руке Ильи, Жанна пожала ее. – Прошу тебя.

– Ладно, – кивнул Илья, краснея.

Его бросило в жар от этой нежданной мимолетной ласки.

Сзади них оказался микроавтобус, нужная им БМВ шла за ним. Перед поворотом Жанна сбросила скорость, как положено, включила сигнал и повернула...

Впереди метрах в пятидесяти, на перекрестке, Илья увидел людей в желтых куртках дорожных рабочих; они стояли возле КамАЗа с песком в кузове. Как только на повороте показалась машина Жанны, рабочие засуетились, стали вытаскивать на дорогу оградительные стойки. КамАЗ с песком подал назад...

Илья оглянулся. Микроавтобус, как ожидалось, не повернул, а, нарушив правила движения, проследовал дальше на мост – БМВ оказалась незащищенной. Илья увидел, что в машине сидят двое мужчин. Он снова посмотрел вперед. КамАЗов оказалось, как и передавали по рации, два. Просто второго было не видно из-за стены дома. Сближаясь, они почти полностью перегородили дорогу, оставив лишь небольшой проезд. Рабочие в куртках вытащили заграждения на дорогу. Сзади послышалась сирена. Илья снова оглянулся. Водитель БМВ, кажется, заподозрил что-то неладное. Он немного отстал, потом дал задний ход... Но тут из-за поворота Большого проспекта показалась милицейская машина, перекрыв ей обратный путь, и водителю ничего не оставалось, как пуститься вдогонку за машиной Жанны, чтобы вслед за ней проскочить между КамАЗами. Но драгоценные мгновения были утеряны... Машина Жанны пронеслась мимо рабочих, в руках которых Илья увидел откуда-то взявшиеся вместо ломов и лопат автоматы, и юркнула в убывающее пространство. Тут же КамАЗы сомкнулись, щель исчезла.

Конечно, если бы БМВ шла строго в затылок за машиной Жанны, возможно, они бы выскочили из ловушки, но водитель ее, отстав, сделал ошибку...

– Ну вот и попались, голубчики, – усмехнулась Жанна.

– Здорово, – похвалил Илья.

– У нас работают только высококлассные профессионалы, – улыбнулась Жанна, останавливая машину по красному сигналу светофора.

Она положила пистолет обратно под сиденье.

– Ну, теперь давай искать гараж, – сказала Жанна, поворачивая машину в другую улочку. – Надеюсь, больше нам не помешают.

– А кто это был? Почему они следили? – спросил Илья.

Запищала рация.

– Жанна, это Полина.

– Вот сейчас и узнаем. – Не сбавляя скорости, одной рукой управляя автомобилем, другой – поднесла рацию к лицу. – Да, слушаю вас, Полина Петровна.

– Все в порядке, девочка, это оказались наши – только номер их машины в управлении не числится. Там вечный бардак.

– Какого черта им было нужно?

– Говорят, приказ. Для охраны.

– А почему меня не предупредили?

– Ты же знаешь, девочка, как у нас появился этот полковник...

– Ну спасибо, Полина Петровна. Конец связи.

Жанна щелкнула клавишей рации, но не стала прятать ее под сиденье, а положила на то же место рядом с собой.

– Этот полковник Бойко, похоже, ведет какую-то странную игру. Не пойму я его.

– Честно говоря, есть у меня на его счет кое-какие соображения, – задумчиво проговорил Илья, вспомнив черты сходства полковника с представителями древнего народа, живущего под городом. Высокий рост, землистый цвет лица... вот только глаза. Карие глаза полковника сбивали Илью с толку, ведь у подземной чуди глаза почти бесцветные.

– Какие? – насторожилась Жанна.

Илья тут же пожалел, что начал этот разговор. Его догадка могла оказаться неверной – мало ли на свете людей высокого роста.

Задолго до строительства Петербурга на Невских берегах жил древний и загадочный народ чудь. Жили они в землянках и, когда началось строительство Петербурга, не захотели уходить с насиженных мест и только все глубже в землю зарывались. Тогда Петр повелел поверх землянок город строить. Так гласит легенда. Думали, что все они погибли под гнетом города, но оказалось, что остатки этого народа до сих пор живут под кладбищем Петербурга и приносят человеческие жертвы богу Атхилопу. В прошлом году Илья попал к ним в лапы и чудом остался жив. Рассказывать Жанне все те ужасы, которые он перенес под кладбищем среди людоедов, где его чуть не принесли в жертву подземному богу Атхилопу... И это все рассказать Жанне, чтобы испортить ей сон?! Нет уж!..

– Скоро уже приедем, – сказала Жанна. – А вообще ты прав: нужно бы проверить этого полковника...

Они ехали по Кировскому проспекту, впереди виднелся широкий мост.

«Ну вот, теперь она подумает, будто я что-то от нее скрываю, – злился на себя Илья. – Черт меня дернул заговорить об этом несчастном полковнике Бойко».

Происшествие со следившей за ними машиной вывело Илью из состояния восторженной влюбленности, в котором он пребывал с того момента, как они выехали с кладбища. Но сейчас по мере приближения к гаражу Сергея, где под полом имелась уютная комнатка, Илья снова входил в состояние блаженного восторга. И снова эта женщина влекла его к себе, как не

влекла никакая другая в его жизни. Ну и пусть на ноге у нее ортопедический ботинок – Илье это даже особенно нравилось – не может быть в человеке все красиво и совершенно. Да и не нужно! Илью с детства тянуло к уродствам, словно к оконцу в другой мир, таинственный и непостижимый. У Ильи и первая жена Карина была без одного уха.

«Какая женщина!.. Какая женщина!..»

– Теперь налево, – вспомнил Илье. – Двор рядом с этим домом. Сергей говорил, в нем балерина какая-то жила.

– Кшесинская. Теперь там музей восковых фигур.

– Да, точно. Вон эта подворотня.

– По легенде, балерина Кшесинская была любовницей Николая Второго, и от дворца к ее дому был прорыт подземный ход, по которому ее навещал государь.

– Такое чувство, что под городом полно подземных ходов.

Илье представил царя, ползущего под землей на четвереньках, и улыбнулся.

– Так оно и есть, – кивнула Жанна.

Между тем машина въехала под арку и, миновав проходной двор, остановилась возле гаража Сергея. Ворота гаража были облупившиеся, одним боком он примыкал к стене жилого дома, другим – к зданию котельной с высокой черной трубой и застекленными окнами на всю стену.

Жанна задержалась в машине, а Илье вышел раньше и стал шарить с правой стороны под воротами в поисках ключа. Он помнил – Сергей прячет его где-то здесь. Наконец ключ нашелся. Илье обернулся и увидел идущую к нему Жанну. Как она была хороша: ей удивительно был к лицу этот синий брючный костюм, она слегка прихрамывала на ножку в ортопедическом сапожке. Как же нравилось Илье это пикантное прихрамывание. На плече у Жанны висела дамская сумочка.

«Интересно, взяла она с собой пистолет?» – почему-то подумал Илье.

– Ну вот, нашел, кажется, – улыбнулся Илье, показав ключ. Ведь это был не просто ключ и не просто от ворот гаража. Он был от ворот, ведущих к блаженству.

– Ну тогда открывай, – сказала Жанна, улыбнувшись.

Илье показалось, что она прочитала его мысли.

Открыв скрипучую створку ворот, он зажег свет. Жанна вошла следом. В просторном помещении гаража, несмотря на промозглую осеннюю погоду, было не холодно – он отапливался от соседствующей с ней газовой котельной.

– Большое помещение, – сказала Жанна, озирая стены, оставленные по углам автомобильные запчасти, старый корпус «Волги». – Сюда бы БТР запросто влез.

Илье закрыл ворота на засов и направился в левый угол. За корпусом старой «Волги» он нашел резиновый коврик. Снял с него какую-то тяжелую автозапчасть и отогнул.

– Вот этот люк, – сказал Илье, берясь за его ручку и поворачивая по часовой стрелке, как показывал Сергей.

Заскрипело ржавое железо, крышка подалась... И странно, но почудилось Илье, что в щели мелькнула и вдруг погасла полоска света. Словно кто-то, сидевший в подполье, услышав скрип открываемого люка, погасил свет. Илье так и замер, согнувшись с крышкой в руках.

Неторопливо, оглядываясь, подошла Жанна.

– Ух ты, как здорово придумано... – начала она, поглядев на люк, но неуверенное состояние Ильи не укрылось от ее внимания. – Что-нибудь не так?

Работа в спецслужбе приучила ее в любой момент и в любом месте ожидать опасности – даже если ее там нет.

Илье улыбнулся и переложил крышку на пол, открыв пространство для прохода.

– Так, ерунда. Почудилось, – сказал он и бесстрашно по металлическим ступеням стал спускаться в густую темноту люка.

– У меня есть фонарик в машине. Принести?

– Не нужно.

– Осторожнее, – прошептала вслед Жанна.

Он дрожащими ногами, медленно, нащупывая каждую ступеньку, спускался под пол, изо всех сил стараясь сдержать дрожь в ногах. Он не мог, не имел права бояться. Ведь позади было столько всего: и психбольница, где его пытались свести с ума, и гигантские крысы под кладбищем, чуть не съевшие его, когда он томился в плену у чуди. И сейчас, с этой красивой женщиной он должен быть сильным и бесстрашным. Должен!..

Каждая ступенька давалась с трудом. Одновременно он шарил рукой по стене в поисках выключателя, но не находил.

Наверное, он целую вечность спускался по проклятой постанывающей лестнице. Только один раз Илья взглянул вверх и увидел склоненное над люком лицо Жанны. С каждой ступенью она удалялась от него, и ему отчего-то подумалось, что, опускаясь вниз, он уходит от нее навсегда...

Неожиданно под ногами оказался пол. Илья обеими руками стал нащупывать выключатель. Как жаль, что, когда он был здесь с Сергеем, не запомнил, где он находится. Наконец Илья его нашел. За то время, пока он спускался в темноту, Илья уверил себя в том, что в комнате, кроме него, есть еще кто-то. Но когда под потолком загорелась лампочка, от сердца отлегло. В подпольной комнате никого не было.

Сверху спускалась Жанна.

– Быстро ты добрался.

Оказалось, вечность прошла только для Ильи. Он подал даме руку. Она стояла совсем близко к Илье. Он чувствовал запах ее духов. Сердце сжалось уже не от страха – от блаженства. Прилив нежности к этой женщине буквально захлестнул его. Он обнял Жанну и поцеловал в губы. Боже! Какое это было наслаждение! Жанна всем телом приникла к нему, он чувствовал, как бьется ее сердце. Сердца их бились в такт. Илья осыпал страстными поцелуями ее лицо, шею...

– Подожди... – Жанна с трудом отстранилась. – Давай сначала осмотримся.

– Да, конечно...

Прерывисто дыша, Илья постарался взять себя в руки. Он обвел глазами комнату. Шкаф, письменный стол с настольной лампой, кровать... все как будто было на месте. Шкаф оказался чуть отодвинут. Открывая железную дверцу, через которую можно было проникнуть в котельную, там, рядом с этим лазом, Сергей спрятал пистолет.

– Ну вот такая обстановка, – развел Илья руками. – Как тебе, нравится?

– Нравится, – как-то неуверенно проговорила Жанна. Озираясь, она села на кровать. – А сколько, ты говоришь, лет здесь никто не жил?

– Да много. Родственник Сергея от энкавэдэшников в сталинские времена прятался. А так вроде больше никто.

– Странно, – задумчиво проговорила Жанна.

– Что странно?

– Странно, что выглядит комната, словно кто-то в ней появляется. Я бы даже сказала – женская рука чувствуется.

Илья огляделся более внимательно. Действительно, в начале лета несколько месяцев назад, когда Сергей впервые привел его сюда, обстановка подземной комнаты показалась ему более неприглядной. Сейчас же и пыли почти не было, и кровать прибрана, как в гостиничном номере. Может быть, Сергей с бывшей женой Ильи Мариной навывались сюда в течение того месяца, когда Илью мучили садисты-психиатры... А! Так, значит, они... Илья, конечно, замечал, что, несмотря на присутствие гвинейского жениха, Карина небезразлична к соотече-

ственнику Сергею. Он, впрочем, тоже. Так вот, значит, оно как!.. Эта догадка показалась Илье правдоподобной.

– Да, это наверняка Сергей с Кариной здесь побывали, – улынулся он. Ему стало как-то неловко, что он проник в чужую тайну. Зря он все-таки не сказал Сергею, что собирается к нему в гараж. Эх, нехорошо получилось!..

Жанна встала с кровати, прошла в другой конец комнаты, заглянула в темный угол.

– А это что за двери?

Дверцы были за углом, поэтому Илья их не замечал раньше.

– Это, наверное, местные удобства, – сказал он, открывая одну.

И не ошибся – это оказался туалет. Он открыл другую дверь, на него пахнуло сырým влажным теплом, он заглянул в темноту. Что-то белое, призрачное заставило его вглядеться. Протянутая рука наткнулась на полиэтиленовую занавеску. Он отодвинул ее и не сразу разглядел, а разглядев, не сразу понял... В углу за занавеской на полу он увидел скрюченное человеческое тело. Сжавшись в комок, тело не двигалось, и это отсутствие движения вызвало у Ильи внезапный прилив ужаса – он отступил. Тут же сильным и резким движением Жанна оттолкнула Илью за свою спину. В руке ее вороным железом чернел пистолет. Когда она только успела выхватить его из сумочки?..

Она вся напряглась, держа пистолет на вытянутой руке, сделала несколько шагов к открытой двери.

Выключатель оказался рядом с дверью. Жанна зажгла свет и, все так же держа в напряженной руке пистолет, отступила. Илье, как он ни старался, было не видно, что происходит в душевой. Он попробовал подойти ближе, но Жанна бесцеремонно оттолкнула его в сторону.

– Встать! – властно гаркнула Жанна. – Быстро встать! Иначе стрелять буду!! – И рукояткой пистолета с такой силой шарнула по дверному косяку, что сверху посыпалась штукатурка. – Брось все! Брось, я сказала!!

Жанна отступала назад, держа пистолет на вытянутых руках. Из помещения душевой, подняв руки кверху, вышла совершенно голая женщина. Фигура у нее была что надо. Длинные ноги, бюст... да и все остальное Илье понравилось. Увидев голую девицу, Жанна готова была опустить пистолет.

– Не стреляйте. Я скажу, где Туз спрятал спящего Китайца, – дрожащим голосом пролепетала девица.

Жанна в первое мгновение слегка растерялась, но быстро взяла себя в руки.

– Говори, где!! А-то пристрелю! – вдруг бешено заорала Жанна, и Илья подумал, что ее крик был слышен во дворе. – Быстро говори, где Китаец?!

Она передернула затвор пистолета, вид ее был ужасен и ни на мгновение не давал усомниться в том, что она в следующую секунду прострелит лоб голой девицы. Та, как видно, тоже поняла это. Глядевшие в дуло пистолета глаза ее сделались огромными от ужаса, она захлебнулась воздухом – не могла вдохнуть – и хотела сказать, но у нее не получалось.

– Где!? Говори, где!! – снова взвизгнула Жанна.

– Садовая... на Садовой, дом сто двадцать пять... – проговорила она, прерывисто дыша.

– Квартира восемнадцать? – спросила уже без прежней истерики Жанна.

– Да, да, восемнадцать.

– Не врешь? – Жанна напряглась, будто собиралась выстрелить. – Говори, не врешь?!

– Нет, нет, честно. Туз сказал, что убьет меня, если я Малюте сболтну... Вы ему не говорите, что это я...

– А ты кто? – уже спокойнее, опустив пистолет, спросила Жанна. – Почему знаешь, где Китаец?

– Я подруга Туза, – проговорила девица, тяжело вздохнув. Ужас смерти в ее глазах угас.

– Оденься, – распорядилась Жанна. – Быстро!

Девушка бросилась в душевую за вещами, захлопнув за собой дверь. Илья, заглядывая через плечо Жанны, с удовольствием проводил ее взглядом. Только сейчас Жанна повернулась к нему и внимательно посмотрела в глаза – ей было интересно, какое впечатление произвела на Илью обнаженная красотка. И хотя впечатление Ильи было благоприятным, но он устался на Жанну глазами морально устойчивого человека, во всяком случае он думал, что морально устойчивые люди должны смотреть именно так.

– Это называется снятие показаний под горячую руку, – негромко сказала Жанна, улыбувшись Илье. – Я тебя не напугала?

– Да нет... – Илья пожал плечами. – Но ведь Китаец взорван. А она говорит...

– Цс-с... – прошипела Жанна, приложив к его губам пальчик.

Илья с удовольствием поцеловал этот очаровательный пальчик, который мгновение назад она сняла с курка пистолета.

Илья с Жанной уселись на кровать. Девушка, уже одетая в джинсы и свитер, с мокрыми нерасчесанными волосами явилась перед ними спустя несколько минут. Но она не имела того перепуганного вида, как под дулом пистолета, и глядела серыми глазами нагло и с вызовом. То ли одежда придавала ей уверенности, то ли она успела что-то обдумать во время одевания, решив избрать другую тактику поведения.

– Ты как сюда попала? – спросила Жанна, смерив ее презрительным взглядом.

Та, не отвечая, уселась на стул напротив них, развязно закинула ногу на ногу и с чувством превосходства уставилась на Жанну.

– Я спрашиваю, как попала сюда?! – слегка повысила голос Жанна.

– Я здесь всегда моюсь, – дерзко бросила девушка. – Никогда не было, чтобы вламывались, – приличную девушку голой с поднятыми руками стоять заставляли.

– Как пролезла сюда, спрашиваю!

– Да вон, лаз за шкафом. Я дружу с местным оператором, так сюда душ принимать лазаю – в котельной-то душа нет. И вообще, что вы к приличной девушке пристаёте?

Она посмотрела на Илью прищуренными глазами так, что ему сделалось неудобно сидеть, и качнула ногой, как будто случайно, но этак возбуждительно и привлекательно, что Илья напрягся. От Жанны, конечно, не укрылся этот взгляд и жест.

– А Туз что скажет, когда узнает, что ты с кочегаром путаешься?

– Во-первых, не с кочегаром, – сморщила девушка курносый носик. На вид ей было лет двадцать пять. – А с оператором газовой котельной, и не путаюсь, а дружу. А кто такой Туз, знать не знаю.

Илья недоуменно хмыкнул.

– Ты дурочкой не прикидывайся, – посоветовала ей Жанна.

– Да нет, я честно не знаю, кто такой Туз...

– Ты, может быть, и о Малюте в первый раз слышишь?! – В голосе Жанны послышалась язвительная угроза.

– Клянусь – в первый раз слышу! – Девушка выпучила глаза, как давеча на дуло пистолета. Трудно, да, пожалуй, и невозможно было усомниться в ее правдивости. – За кого вы меня принимаете?!..

С интересом следивший за допросом Илья не сдержался, услышав такую нахальную ложь.

– Так ты только что про Малюту и Туза говорила!

– Да мало ли что от страха не наговоришь. – Она перевела взгляд искренних и правдивых глаз на Илью. – Вы меня пистолетом своим, знаете, как напугали! Заставили голой перед вами стоять. Если вас так перед пистолетом голого выставить... – плаксиво запричитала девушка. – Да я от страха и не помню, что говорила...

– Ну ладно, хватит, – прервала ее Жанна. – Черт с тобой – не говори. Но если Малюта узнает, что ты здесь. Догадываешься, что будет?..

– Но ведь Малюта... – хотел напомнить Илья, но Жанна сильно сжала ему руку, и он умолк.

– Какой Малюта?! Не знаю я никакого Малюты! Что вы, гражданочка?!.. – опять заартачилась девица, как видно, решив до конца стоять на своем.

– Зовут-то тебя как? – спросила Жанна, вздохнув.

– Ну, Марина.

– Дура ты, Марина.

Девица промолчала.

– А откуда ты ход этот знаешь? – спросил Илья.

– Так как мне его не знать, по нему еще моя мать лазала. Она в этой каморке с мужчиной встречалась. Какая у них была любовь! – Марина закатила глаза к потолку. – Она так его любила, это что-то!

– В сталинские времена, – догадался Илья, вспомнив, что в этой комнате прятался родственник Сергея. – Так вот, оказывается, что.

– В какие сталинские? Ты что, с дуба рухнул? Как я могу сталинские времена помнить? – огрубела девица. – Десять лет назад. Мне тогда шестнадцать было, я все помню. – У него здесь наверху гараж был. Такая любовь была! А потом его убили...

– Кого? – не понял Илья.

– Любовника материного. Она сунулась сдуру, и ей досталось...

– Подожди-ка, что значит «убили»?

– Вот так, – она провела по горлу пальцем. – Секир башка.

– Десять лет назад, – задумчиво проговорил Илья. – Не понимаю...

Откуда-то издали раздались пять подряд сильных ударов по трубе.

– О! Меня зовут, пойду я.

– погоди минутку. Мужчина, ну, любовник твоей матери, не китаевед был случайно?

– Откуда я знаю! По тебе, самцу, разве поймешь, китаевед ты или сутенер.

– Не хами, – осекла ее Жанна.

Снова простучали пять раз.

– Друг мой зовет, истомился, видать.

– А мать твоя не говорила, может быть, он послом был?

– Нет, ничего не говорила. Помню я, что у него на руке, на левой, накладка была странная такая в виде жука, – она пальцем начертила в воздухе жука. – Вот такой, странный, – она указала на тыльную сторону руки.

Марина встала со стула. Илья окинул ее взглядом: фигура у нее была действительно хорошая, ноги длинные, да и все остальное...

– Подожди, – Илья тоже поднялся. – Последний вопрос. А кто убил? Как?

– Этого я не знаю. Ну пойду я...

Она зашла за шкаф, загрохотала железная дверца лаза, заскрипели ржавые ступени, и все стихло.

– Я таких мерзавок знаю. Они только горяченькие нужную информацию выдают, потом от всего отказываются.

Илья задумчиво глядел в пространство.

– Не понимаю я ничего, – проговорил он после некоторого молчания. – Похоже, мать ее встречалась с отцом Сергея. Но ведь он умер в Китае... А она говорит, что его убили. Как это могло быть?..

Илья повернулся к Жанне. Та полулежала на кровати, закинув ногу в ортопедическом сапожке на ногу, и, опершись на локти, смотрела на Илью.

– Как ты думаешь?.. – спросил он уже машинально.

В нем снова просыпался влюбленный по уши мужчина.

– Я знаю такой сорт девиц – им и на грош нельзя верить. Все, что она говорила, может оказаться враньем, чтобы прикрыть слова, вырвавшиеся сначала.

– Может быть... Ну тогда при чем здесь Малюта и Туз со спящим Китайцем. Ведь ваши люди его взорвали.

– Так и есть. Просто у нее сведения трехмесячной давности. Когда Малюта еще правил балом. Я так поняла, что эта девица вместе с Тузом прятала спящего летаргическим сном Китайца, перед тем как Малюта эту квартиру на Садовой выследил и Китайца утопил в заливе. Видно, тогда Туз и эта девица разбежались. И она до сих пор прячется, думая, что их ловит Малюта.

– А Малюта в дурдоме давно вот такусеньких человечков ловит, – досказал Илья, показав мизинец.

Он сделал шаг к кровати, на которой полулежала Жанна, опустился рядом.

– Совершенно точно, а ей, по-моему, верить нельзя. Противная девица.

– Ужасно противная. Ужасно...

Илья нагнулся и поцеловал ее в губы.

– Правда, противная? – шепотом спросила Жанна.

– Правда, ужасно противная...

Илья, больше не в силах сдерживать страсть, обнял Жанну. Она вдохнула, яростно привлекла его к себе...

Глава 3

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Только поздним вечером изнуренный любовью Илья вернулся домой.

Жанна довезла Илью до самого дома. Попрошавшись, он вышел из машины и направился в подворотню. Какой-то человек стоял в тени дома, как будто не желая, чтобы его узнали. Заметив его, Илья по привычке насторожился, но прячущийся человек не проявил никаких враждебных действий. Илья успел только заметить, что он широкоплеч и кряжист.

Возле двери квартиры лежало что-то, завернутое в бумагу. Не стоило, конечно, этого трогать: в иное время Илья бы этого и не сделал, но не сейчас – сейчас он был под впечатлением очаровательной, обворожительной Жанны, которую после *этого* полюбил еще больше, чем раньше. Он не знал, что женщина может быть способна на *такое*.

По рассеянности он только слегка пнул сверток ногой. Как будто ожидавший этого и для этого только приготовленный – сверток вдруг развалился. Какие-то круглые комочки мягко разбежались в разные стороны. Илья, приглядываясь, тронул один из них ногой... наклонится, вглядываясь в свете экономной парадной лампочки... На полу перед Ильей лежала отрубленная кошачья голова.

Отбросив бумагу в сторону, Илья насчитал всего пять кошачьих голов – все они были от разномастных животных. Такая находка неприятно поразила Илью. Возможно, конечно, это шалость местных ребятишек, насмотревшихся по телику подвигов Рэмбо. Но могло быть и предупреждение... Вот только от кого? За те несколько месяцев, что Илья провел в Петербурге, он ухитрился нажить множество врагов, впрочем, и друзей тоже...

Илья не стал ломать опустошенную любовью голову, чьих рук это проделка, а, морща нос, собрал кошачьи головки обратно в бумагу и снес во двор, положив возле парадной утреннему дворнику.

– Да на тебе лица нет, Илюша! – встретила его Карина, уперев руки в бока и выпятив свой массивный бюст. – Ты что, попал под каток или побывал в женском общежитии на двести койко-мест?!

Илья ей не ответил. Ему было известно, что его бывшая жена способна только на солдатские шуточки.

Раздевшись в прихожей, он прошел в кухню.

Сергей сидел за кухонным столом, рядом с восторженным лицом восседал гвинейский жених Карины. Сергей прослушивал кассеты с записями бреда горбуна-шизика.

Уже в течение нескольких недель Илья с Сергеем по очереди записывали за украденным из психбольницы горбуном его бред, который иногда приобретал осмысленную стройность и, как они полагали, повествовал о жизни подземного народа чужд. Но, к великому сожалению, рассказы о подземном народе были разрозненны и носили фрагментарный характер, мешаясь с многочасовым шизофреническим бредом.

Долгое время Сергей не находил в себе сил взяться за расшифровку записей, тем более что записи каждый день пополнялись новыми «откровениями». Ведь блуждавший по квартире горбун в любое время суток мог ни с того ни с сего вдруг остановиться на месте и начать новый рассказ, часто не несущий ничего нового. Поначалу «дежурный» записывал и ночью – теперь это дело бросили и включали диктофон только днем, и то не каждый раз.

И вот сегодня Сергей решил наконец подступить к бреду вплотную. Слушая записи уже три часа подряд, он впадал в тихое помешательство: мысли плыли куда-то, покалывало в коленках. Сергея спасало только духовное развитие, которое он получил в буддийском монастыре, где в детстве провел семь лет. Рядом с ним сидел Басурман. И хотя гвинейскоязычный

гражданин не разумел по-русски, но бред горбуна ему нравился чрезвычайно. Приложив ухо к самой колонке магнитофона, он вслушивался в каждое слово – карие глазенки его блестели интересом, иногда он вдруг начинал хихикать над сказанным горбуном бессмысленным словосочетанием; или вдруг лицо Басурмана грустнело, он горестно качал головой и что-то тихонько лопотал на гвинейском... Потому как языка его никто не знал, оставалось только догадываться, что слышалось в бреде русского шизофреника гвинейскому подданному. Но догадаться никто не мог. Карина только иногда отпускала шуточки в его адрес, смысла которых он не понимал.

Сергей бросил в сторону Ильи только мимолетный взгляд и снова углубился в прослушивание материала.

В кухню стремительно вошел горбун и, обойдя стол, вышел вон.

– Шныряет все, – грустно сказал Сергей и выключил магнитофон, чем разочаровал Басурмана, состроившего обиженную гримасу.

– Что-нибудь выявил? – спросил Илья – не потому, что ему было интересно, просто хотелось сделать приятное своему другу.

– От этого, что характерно, с ума свихнуться можно. – Не отвечая на вопрос, Сергей откинулся на спинку стула и заложил руки за голову. – Неужели придется прослушивать все тридцать часов бреда?..

– А может, отдать Жанне эти кассеты – пускай они сами разбираются. Раз теперь Китайца в живых нет, так зачем, спрашивается, нам эти подземные истории?

Сергей как бы рассеянно махнул в воздухе рукой, поднес сжатый кулак к лицу и разжал пальцы – на ладони сидела пойманная на лету муха и не желала улетать. Сергей дунул на нее, она нехотя слетела и приземлилась на магнитофон. Илья налил себе холодного чаю и уселся за стол напротив Сергея.

– Вот ты с Жанной уехал, а бывший следователь Свинцов нам много интересных и поучительных вещей рассказал, – начал Сергей. – Китаец, оказывается, уже несколько раз умирал, а потом, стервец, откуда-то появлялся. Еще задолго до Малютиноного «царствования» Китайца дважды считали убитым: один раз от рук своих же бандитов, другой – от рук спецслужб. И заметь, всегда, что характерно, «воскресал».

– Ну что же ты ставишь под сомнение работу Жанны? – обиделся Илья.

– Я не ставлю ее работу под сомнение. Свинцов тоже несколько лет работает над этой проблемой. Конечно, он прав не всегда – на Китайце у него, по-моему, «бзик», но его точку зрения тоже нельзя не учитывать. Поэтому я пока и решил расшифровать рассказы горбуна, вот и барахтаюсь в море безумия. Ты что-то бледненький, случилось чего-нибудь?

– Да нет, все нормально – устал...

В кухню вошла Карина и направилась к плите.

– Ты чаек пьешь, горемыка. А дамочка твоя тебя накормила? – съехидничала она.

– Я не хочу есть, – поморщился Илья.

– Молчи уж лучше. Между нами, мальчиками, говоря, ты бы, Илюша, не очень доверял этой ментовке.

Илья промолчал, зная, что спорить с Кариной не имеет смысла, и она тут же переключилась на другую тему.

– Надоел мне этот Бредовик: шныряет, как сумасшедший, вещи перекладывает, потом фиг найдешь, из холодильника все тырит, стервец... Сергуня, ты когда его обратно в дурдом отведешь?

Карина разбила на сковороду три яйца, приятно зашкворчало и вкусно запахло. У Ильи сразу проснулся аппетит.

– Подожди, разобраться с ним нужно, что характерно, потом будем думать, куда его девать.

– А чего тут думать? По подземному ходу обратно его отвести, и дело с концом. Что же, он так и будет здесь жить, как домовый?.. Да, спросить тебя хотела, что горбун, гвинейский язык, что ли, знает?

– Да нет, откуда. Он по русски-то членораздельно объясниться не может.

– Странно, – пожалала плечами Карина. – А я слышала, как они с Басурманом разговаривают.

– Должно быть, язык шизофрении интернационален, – из последних сил пошутил Илья. Карина потрепала безмолвного Басурмана по чернявой головке.

– Людоедик мой ненаглядный.

– Карина кудака пук, – благодарно сказал он, заулыбавшись.

– Пук, пук, – повторила Карина, выкладывая яичницу в тарелку. – Может, тебя на курсы русского языка определить. А, Басурман?!

Несмотря на сильную усталость, Илья долго не мог уснуть: в голову лезла голая девица... и кукла со злым лицом в красном колпаке показывала мерзкий язык, дразнилась и хихикала. Илью мучило предчувствие чего-то трагического, что вот-вот произойдет с ним. Ведь что-то важное, очень важное, он недосказал сегодня...

Илья проснулся с чувством надвигающейся беды. Сергей все утро избивал «грушу» ногами и руками. Вчерашняя его попытка расшифровать записи ни к чему не привела, и он почувствовал странное рассредоточение и словно подчинение своего разума записанному на кассетах бреда шизофреника. Это чувство было новым для него – в полной бессмыслице сложенных как попало слов он ощущал угрозу... Но в чем была эта угроза, Сергей не понимал. А когда он не понимал, то либо погружался в медитацию, либо изнурял свое физическое тело.

В кухне Илья застал готовящую завтрак Карину и Басурмана, который писал что-то на листе бумага. Илья впервые видел Басурмана за этим делом. Раньше он даже не знал, умеет ли тот писать.

– Письмо катает, – кивнула Карина в сторону жениха. – На родину в страну апельсинов о нашем житье-бытье строчит.

После завтрака Басурман пошел на почту отправлять письмо. Илья позвал Сергея в маленькую комнату.

Он уселся на низенькую кровать, а Сергей, по-турецки поджав ноги, опустился на циновку, с которой обычно отправлялся в медитацию. Илья не знал, как следует приступить к разговору, он минуту помолчал под вопросительным взглядом Сергея, а потом начал:

– Скажи, Сергей, а были ли у твоего отца какие-нибудь приметы, может быть, ожог или наколка?

Сергей улыбнулся:

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Ну ты ответь сначала.

– Да. Была наколка на груди, по-моему парусник, ведь он служил на флоте.

– А на руках?

– Нет, на руках не помню. Кажется, ничего не было.

– Ну вот. Я так и думал, что это вранье, – вздохнул Илья. – Да и Жанна говорила, что девицам такого сорта доверять нельзя...

– Подожди-ка... – перебил Сергей.

Он легко поднялся с пола (он все делал легко и непринужденно, как будто земное притяжение притягивало его слабее, чем других), подошел к шкафу с китайскими книгами за стеклом, открыл его, достал коробку с фотографиями и несколько минут занимался тем, что перебирал их.

– Вот, нашел наконец, – Сергей, стоя перед Ильей, рассматривал старую фотокарточку.
– Была! Конечно, была у него наколка на левой руке... – почти торжественно проговорил Сергей. – Как я мог забыть!..

– Жук?! – нетерпеливо перебил Илья. – Наколка изображала жука?!

Сергей ухмыльнулся.

– Нет, что ты. Совсем, что характерно, не жука. Отец терпеть не мог жуков и насекомых. Это китайский иероглиф. Вот здесь его хорошо видно.

Сергей протянул карточку Илье. На фотографии был заснят мужчина с пушистым котом на руках, рядом с ним стояла женщина. Оба улыбались. На тыльной стороне руки, которой мужчина держал кота, был выколот жук с головой и четырьмя лапами.

– Это ведь жук, – тихо проговорил Илья.

– Нет, это китайский иероглиф. Он действительно похож на жука, но...

– Какая разница! – снова перебил Илья. – Ведь она говорила о жуке.

– Ты расскажи толком, кто «она» и при чем здесь наколка моего отца? – Сергей пригладил усики.

– Честно говоря, я думал, что она все-таки соврала, – все так же держа фотокарточку перед глазами, сказал Илья. – А вы с отцом похожи.

– Ты мне зубы не заговаривай. Кто тебе про наколку сказал?

– Знаешь, мы ведь вчера с Жанной после кладбища поехали к тебе в гараж. Ты извини, что я не предупредил...

Илье пришлось с самого начала рассказать свой вчерашний день, не до самого конца, разумеется.

– ...Вот такая история странная, – закончил свой рассказ Илья. – Правда, то, что у него была наколка, никак не доказывает, что его убили. Но кто знает...

Сергей, сидя по-турецки на медитативной циновке, молчал. Он глядел прямо перед собой.

– Странно, – негромко, словно не обращаясь к Илье, проговорил он. – Странно, что это произошло сейчас, когда я наконец почти поверил в его смерть. – Он опять смолк, но некоторое время погода продолжал: – Я узнал о смерти отца, вернувшись из Афганистана. Дело в том, что известие об этом не дошло до меня: в то время я сам считался погибшим и находился в госпитале. Почему-то у меня всегда было предчувствие, что отец жив. Он всегда был очень здоровым человеком. У меня осталась одна только тетя, – все родственники умерли в блокаду, только четверо дядей живут в Финляндии. Так вот, тетя мне рассказала, что за год до моего возвращения отец уехал в Китай; вскоре из Китая пришло извещение о том, что отец умер от сердечного приступа. Обнаружилось и завещание, в котором отец изъявлял волю быть похороненным в Китае. Все эти документы хранились у тети, но куда-то запропались. Тетя моя имеет плохую память, у нее всегда что-нибудь теряется, поэтому пропажа документов не показалась мне слишком уж странной. Все попытки найти могилу отца не принесли результатов. Несколько раз я ездил в Китай, разыскивая его могилу... И вот теперь, когда я уже смирился с его смертью, появляется эта девица и утверждает, что отца убили.

– Да, она говорит, что ее мать якобы встречалась с ним.

– Действительно, у него была женщина, я нашел в бумагах отца несколько писем от нее. Фамилия у нее была Лухт.

Сергей поднялся с циновки, подошел к шкафу, достал большую старинную шкатулку, поставил ее на письменный стол, открыв, выбрал из кучи бумаг несколько нужных.

– Да, Лухт, Вера Лухт. Вот эти письма, – Сергей показал несколько листков Илье. – Я хорошо помню их содержание. В одном из них Лухт просит отца быть осторожнее и словно бы предупреждает его об опасности. Раньше я почему-то не придавал этому значения. Как я понял, роман их начался уже давно. Я старался разыскать эту женщину, надеясь, что она может

пролить свет на смерть отца. Но все оказалось бесполезным. Все мои попытки наткнулись на какие-то препятствия, словно мне нарочно кто-то мешал. Она исчезла. Теперь ты понимаешь, какое значение для меня имеет эта твоя встреча.

Сергей, в любой даже самой экстремальной ситуации хранивший ледяное спокойствие, казался взволнованным. И это удивило Илью, побывавшего с ним в таких переделках, из которых они запросто могли не вернуться живыми.

– Не думал я, что это серьезно, – пожал плечами Илья. – Учти только, что она такая девица, из которой трудно будет что-нибудь вытянуть.

– Учту, – улыбнулся Сергей.

И по улыбочке этой Илья понял, что для Сергея сейчас нет ничего невозможного.

– Поедем, познакомимся с ней. Но давай, я все-таки позвоню на всякий случай тете Люсе. Может быть, она что-нибудь вспомнила.

Сергей вернулся через десять минут очень довольный, тетя Люся, перебирая вчера свои бумаги, наткнулась на адрес адвоката, у которого хранилось завещание отца. Вот это была находка!

Когда Сергей с Ильей выходили, им повстречался Басурман, возвращающийся с почты. Взгляд его черненьких глазенок хранил не свойственную ему загадочность, на устах бродила таинственная улыбка... Словно он задумал что-то замечательное.

День выдался теплым и ясным, хотя осень уже была в разгаре. В первую очередь решили посетить кочегарку и разузнать что-нибудь о подруге оператора котельной.

Дверь в котельную была закрыта изнутри. На звонок долго никто не открывал. Илья заметил, что краешек занавески у плотно зашторенного окна отодвинули изнутри и кто-то внимательно их разглядывает. Илья искоса тоже посматривал на наблюдателя, потом занавеска дернулась, образовав большую щель, в которой показалось пол-лица бледного существа с огромными голубыми глазами и зверским, нечеловеческим оскалом. Илье сделалось не по себе, но тут заскрежетал засов. Дверь слегка приоткрылась, и в щель на уровне пояса высунулась голова мерзкой старухи с бородавчатым лицом, крючковатым носом и единственным клочком сохранившихся волос на плешивой голове.

– И кто ита приперси, – не пойму... – прошамкала старуха, вертя поганой рожей то в сторону Ильи, то в сторону Сергея.

Илья опешил от такой неожиданной встречи. Но тут над старушечьей физиономией высунулось другое, уже человеческое лицо кукловода.

Кукольная старушечья голова до жути походила на настоящую, и если бы не эта нарочитая омерзительность, приданная мастером, длинноносость и бородавчатость, то ее можно было принять за подлинную каргу.

– Вы из котлонадзора? – спросил человек, открывая дверь пошире.

С виду ему было около пятидесяти лет. У него имелась густая борода, длинные, седые волосы на лбу были перетянуты тесьмой, как у мастерового прошлого века, что придавало внешности сказочность. Кукольная голова старухи исчезла.

– Нет, нам нужна Марина, – начал Сергей.

Но мастеровой перебил его:

– Какая Марина?! Нет здесь никакой Марины! А вы не из котлонадзора?..

Из-за двери снова высунулась физиономия карги. Она снизу повернула поганую рожу, посмотрев на Сергея, потом на Илью. Но кукловод наложил свободную руку на лоб старухе и выпихнул ее из поля зрения.

– А если вы не из котлонадзора, то, извините...

Он стал закрывать дверь.

Сергей придержал дверь рукой:

– Скажите хотя бы, кто вчера в котельной дежурил?

Но мужик плечом навалился изнутри и закрыл дверь. Видно, Сергей не хотел идти на конфликт, а то ему не стоило бы большого труда вышибить ее с двух или трех ударов ноги.

За дверью раздался скрежет задвигаемого засова.

– Ну, я! Я дежурил! – раздался из-за двери недовольный голос мужика. – Всегда я!.. Один я!.. – доносился уже удаляющийся его голос. – Как будто больше некому...

Илья посмотрел на окно, где была бледная кукла. но там уже сидела совсем другая: со злым лицом, в красном колпаке. Илья вздрогнул – именно такая кукла виделась ему в ужасных снах, проклятых снах, которые преследовали его всю жизнь, с самого детства.

– Смотри, – он указал на нее Сергею.

Сергей только мельком успел взглянуть на нее, так как кукла тут же убралась, штора закрылась.

– Ничего, мы, что характерно, еще вернемся.

Сергей, похоже, не ожидал такой нерадушной встречи.

Когда сели в машину, задумчивый Илья покрутил пальцем у виска:

– По-моему, у него не все дома.

– Вряд ли. Думаю, прикидывается. Значит, с Другой стороны заход сделаем. А сейчас попробуем адвоката посетить.

Илья хотел спросить, видел ли Сергей куклу в красном колпаке или она причудилась Илье, но почему-то не спросил.

Адвокат жил на Московском проспекте в большом доме с башенкой, на третьем этаже.

– Кто там? – спросили из-за двери, разглядывая их в глазок.

– Нам нужен господин Михин, – ответил Сергей.

Дверь тут же открылась. И молодой человек в костюме, широкоплечий и коротко остриженный, услужливо пригласил войти. Под его пиджаком угадывался бронежилет.

Друзья оказались в обширной прихожей.

– Оружие, взрывчатые вещества имеются? – поинтересовался охранник, не из праздного любопытства, а по профессиональной нужде обводя гостей прямоугольным аппаратом, предназначенным для поиска оружия.

– Нет, – ответил Илья.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил охранник, указывая на дверь. – Вас ждут.

В комнате, куда они вошли, стоял полумрак. Тяжелые шторы на окнах были задвинуты. Посредине стояла широкая кровать, на ней, укрытый одеялом, кто-то лежал. Глаза пришедших не сразу привыкли к полумраку комнаты. Наконец Илья разглядел, что у изголовья с двух сторон стоят двое молодых людей, как две капли воды похожих на встретившего их в прихожей.

– Я давно жду вас. Видите, что ваши конкуренты сделали со мной, – раздался слабый голос с кровати. – Теперь я вынужден всех опасаться. Надеюсь, мои страдания влетят вам в копеечку. Ну что вы молчите?!

– Мы бы хотели поговорить с адвокатом Михиным. У нас... – начал Сергей, но договорить ему не дали.

– Это не они!! – послышался визгливый голос с кровати.

Дальше случилось нечто странное: двое стоявших в изголовье мужчин атлетического телосложения повели себя по-разному. Один – грузнее своего товарища и обширнее его телом – с удивительной для его комплекции ловкостью, расставив широко руки (как будто собирался обнять всю обширную постель с лежащим на ней человеком), подпрыгнул, стараясь взлететь повыше, и вдруг рухнул на лежащего, должно быть, намереваясь раздавить гада, пусть погибнуть, но раздавить... И так замер, словно умер. Из-под него послышался только придушенный стон, возможно предсмертный. Второй молодой человек закричал что-то страшное нечлено-

раздельное и наставил на них пистолет, то же сделал и стоявший за их спинами у двери поначалу очень вежливый молодой человек, теперь же злющий, будто подменили.

Илья с Сергеем подняли вверх руки – убедительность пистолетов в руках охранников не имела альтернативы. Илья не испугался и руки поднял лишь затем, чтобы не нервировать молодых людей. Ситуация была скорее комическая, чем пугающая.

– Кто вы?! – глухо донесся из-под лежащего громилы придавленный голос. – Что вам нужно?!

– У нас нет оружия! – повысив голос, сказал Сергей, справедливо полагая, что под громилей слышно его не так хорошо. – Мы пришли к вам по делу, по важному делу.

Охранник, стоявший сзади, пугливо подкрался к Илье с Сергеем и осторожно ощупал их тела сквозь одежду, глаза его были велики от страха.

– Нет оружия, – сказал он громко. – Чисто.

Второй охранник опустил пистолет.

Громила нехотя поднимался с охраняемого тела.

– О-о-х... – тяжело вздохнуло освобожденное тело. – Так что вы хотели? Только излагайте быстрее – мне некогда.

Лицо его было неразборчиво в полумраке, но не было заметно, что он куда-то спешит.

– Когда-то вы вели одно дело. Это было завещание. Я бы хотел получить копию.

– В контору, в контору!.. У меня здесь ничего нет. Никаких документов. Приходите в контору, все там. Проводите! – крикнул он охранникам.

– А какой адрес вашей конторы?

– Дайте им карточку! – распорядился с кровати адвокат.

Охранник сунул Сергею и Илье по визитной карточке, и им ничего не оставалось, как повернуться и под бдительными взглядами охранников больного адвоката удалиться. Уже у двери человек с кровати остановил их:

– Какого года?! В каком году оглашалось завещание?

– В восемьдесят четвертом, – бросил через плечо Сергей, и они с Илей вышли в прихожую.

Вновь сделавшийся вежливым молодой человек услужливо открыл перед ними входную дверь...

– Стойте! – донесся из комнаты знакомый голос. – Остановите! Остановите их!! Любой ценой!..

Молодой человек сразу переменялся в лице, мгновенно превратившись в недоброжелателя, тут же захлопнул перед носом Ильи дверь и потянулся рукой к оружию, хранимому на поясе.

– Оставь, браток, – махнул рукой Сергей и повернул обратно в комнату.

Когда они вошли, адвокат уже, отбросив одеяло, старался встать с постели.

Двое хранителей его тела бережно помогли ему в этом. Подняться ему оказалось несложно, – несмотря на его еще совсем недавно такой немощный вид, у него оказалась только нога в гипсе, и то по колено. Одет он был в спортивный костюм и встать с кровати не мог с первого раза не из-за немочи, а скорее от волнения. Непонятно было, что могло так переполошить адвоката.

Наконец он, опираясь на услужливо поданные костыли, поднялся и, поджимая загипсованную ногу, подошел к ожидавшим его друзьям.

Теперь, когда адвокат оказался в поле их зрения, удалось разглядеть его лицо. Было ему около сорока, под левым глазом темнел синяк, на губе то ли простуда, то ли болячка от побоя.

– Вы сказали, в восемьдесят четвертом! – тут же спросил он, прикостыляв достаточно близко.

– Да, – кивнул Сергей.

– Ну тогда пойдете в кабинет, там мы сможем соответственно поговорить.

В сопровождении телохранителя адвокат прошел через прихожую в другое помещение, друзья последовали за ним.

Кабинет его занимал обширную комнату с тремя книжными шкафами и огромным столом, на котором стоял компьютер. Охранник удалился. Адвокат указал посетителям на два стула, сам же уселся за стол сразу, несмотря на побитый и взлохмаченный вид, приобретя представительность.

– Ну расскажите, расскажите скорее, – потер он маленькие ручки.

– А нам, собственно, рассказывать нечего, Михаил Иосифович, – сказал Сергей. – Нам хотелось бы получить дубликат завещания моего отца. И все.

– Давайте, драгоценнейший, определимся по существу. Вас зовут?.. – Он указал на Сергея, тот назвался. – А вас соответственно?.. – Илья тоже назвался. – Меня можете называть Александр Михайлович.

Сергей улыбнулся.

– Стало быть, у меня имя неправильно записано.

– Правильно, правильно, – замахал на него руками адвокат. – Все дело, господа, в том, что дела в восемьдесят четвертом году вел не я, а мой папочка. Я тогда был начинающим адвокатом. В тот год отец вел пять, всего лишь пять дел.

Небритое и побитое лицо адвоката напоминало мордочку обезьянки, и все движения его были такими же скорыми, непредсказуемыми, так что было трудно уследить за его руками. Он то хватал ручку, но тут же бросал, нажимал попавшуюся под палец клавишу на компьютере, вертел в руках, но не надевал очки в роговой оправе.

– А завещание? Что в нем было? Что было?.. – сдвинул он брови, словно стараясь вспомнить.

– В завещании говорилось о захоронении в Китае.

– Точно-точно! Было! Я все папочкины дела того периода помню... Но дела того года – какие-то особенные дела. – Он наклонился к столу и понизил голос: – Скажу вам по секрету, драгоценнейшие мои, документы, все документы восемьдесят четвертого года, были похищены.

Адвокат, отчего-то чрезвычайно довольный, откинулся на спинку стула и вдруг закашлялся, застонал и погладил себя по груди, должно быть, там у него было больное место. Боль, напомнившая о недавних увечьях, вдруг изменила его настроение. Он уже подозрительно посмотрел на сидящих перед ним посетителей.

– Доверчивый, от доверчивости страдаю, – он осторожно пальцем потрогал синяк под глазом. – Прошу извинить, но фамилию вы своего батюшки носить изволите или переменили?

– Да нет, не переменил.

Сергей достал из нагрудного кармана куртки паспорт и протянул адвокату.

– Прошу простить за бдительность. Прошу простить, – бормотал он, разглядывая паспорт и даже, вынув из ящика стола лупу, какими пользуются часовых дел мастера, и вставив в глаз, стал внимательно разглядывать фотокарточку в документе. – Страдаю соответственно доверчивости. Ведь три ножевых, знаете ли, ранения. Две пули... – говорил он, пристально разглядывая документ. – Ну все. Благодарю вас.

Он широко улыбнулся, но тут же страдальчески сморщил лицо и потрогал поврежденное место на губе.

– Так вы говорите, что документы похитили? – спросил Сергей, пряча паспорт в карман.

– Да, драгоценный вы мой, похитили. Но папочка был изумительный человек!.. – Александр Михайлович остановился, словно бы выжидая, и вдруг низко наклонился к столу и прошептал: – Он сделал копии. – Он собрался улыбнуться снова, но вовремя одумался. – И сейчас вы увидите завещание своего отца.

Адвокат открыл дверцу стола, достал крохотный старинный сундучок, обитый медными полосками, открыл его замочек медным ключиком и извлек оттуда несколько бумаг. Выбрав нужную, протянул Сергею.

– Вот ваше завещание. Это было предпоследнее дело моего папочки.

Сергей взял документ и, прочитав его, хмыкнул.

– Это все?

– Вы хотите сказать, что почерк не вашего отца? – Адвокат внимательно глядел ему в глаза.

Это только с виду он казался вертлявым и распущенным типом, на самом же деле замечал всякое изменение в лице клиента и был не так прост, как казался поначалу.

– Я не хочу ничего сказать.

Сергей посмотрел на него бесстрастным взглядом. Адвокат чуть заметно улыбнулся.

– Послушайте, драгоценный Сергей Васильевич, я буду с вами откровенен. Откровенен до конца, хотя это не свойственно людям моей профессии. Но это дело касается меня. Лично меня и моего папочки. Суть дела такова, – начал адвокат наконец, надев очки и от этого мгновенно преобразившись в очень солидного и представительного человека, – что завещание вашего отца было предпоследним документом, с которым имел дело мой папочка. Я так и знал, что вы когда-нибудь объявитесь. Я чувствовал, что, возможно, в этом странном завещании имеется разгадка.

Адвокат замолчал, глядя на Сергея сквозь затемненные стекла очков.

– А что стало с вашим отцом? – спросил Сергей.

Адвокат некоторое время не отвечал, выдерживая паузу, потом снял очки и положил их на стол.

– Он исчез. Исчез бесследно. – Адвокат помолчал. – Теперь вы понимаете, почему я так заинтересовался завещанием вашего родителя. Я всегда чувствовал, что в нем кроется разгадка. Когда-то я даже пытался вас разыскать, но мне сказали, что вы погибли, исполняя интернациональный долг. Вы были в Афганистане?

– Да, но не погиб. Там произошла путаница – погиб мой однофамилец.

– Тогда, в восемьдесят четвертом, после исчезновения моего папочки пропали и документы. Скажите, Сергей Васильевич, вы подозреваете, что вашего отца убили?

– Я не знаю, – неуверенно проговорил Сергей. – Многие годы я не верил в его смерть, но сегодня...

– Я тоже не верил. Вот посмотрите, что я нашел в кабинете отца после его исчезновения.

Адвокат вынул из стоящего перед ним сундучка коробку из-под монпансье, пластмассовую куклу в ситцевом платьице с оторванной рукой. Лицо ее было разрисовано красной краской.

– Эти предметы не принадлежали моему отцу, их не мог забыть никто из клиентов, я всех опросил. Кроме того, на стене карандашом явно детской рукой была нарисована рожица. Знаете? Точка, точка, запятая...

– Странно, – сказал Илья.

– Очень, очень странно. Вы правы, Илья Николаевич. А вообще у вас есть какие-нибудь соображения? – обратился он к Сергею.

– Пока нет. Но есть люди, с которыми стоит поговорить... А теперь нам пора.

Сергей поднялся. Адвокат тоже, видно, по своей привычке, опережающей мысли, вскочил, но записанная нога напомнила о себе, и он снова сел.

– Вас проводят, – сказал он. – Но если, потребуется моя помощь, всегда можете на нее рассчитывать. У меня есть предчувствие, что вы на правильном пути. У адвокатов предчувствие часто играет решающую роль. Желаю вам удачи. И хочу попросить вас держать меня в курсе дела. Ведь я так любил папочку...

Сергей был задумчив. Когда сели в машину, он вставил в магнитолау кассету с органной музыкой Баха, которую всегда слушал в машине, закурил и пустил три кольца, потом вынул из кармана документ, прочитал его два раза и, сложив, снова спрятал в карман.

– Ну как, почерк похож?! – наконец решился спросить Илья.

Некоторое время Сергей не отвечал, задумчиво пуская кольца из дыма, потом сделал звук магнитофона потише и сказал:

– Если бы экспертиза подтвердила, что это его почерк, и если бы даже нашлись свидетели того, что писал мой отец, то я все равно бы не поверил. Помнишь иероглиф, выколотый на его руке? На этом документе его, что характерно, не хватает. В конце каждого сколько-нибудь значительного документа рядом со своей подписью он ставил иероглиф, означавший свое имя на китайском языке. В письмах тоже. Только он умел писать его так красиво. Он говорил мне: «Ты всегда узнаешь меня по этому знаку».

Сергей в воздухе начертил пальцем иероглиф.

– Так нужно Марину искать, – сказал Илья. – Может, она что-нибудь знает.

– Это завтра, – вздохнул Сергей. – А сейчас поедем домой. На обед мы уже опоздали.

Карина встретила их чрезвычайно встревоженная. Басурман жался к ней и казался перепуганным больше своей невесты, вздрагивая от каждого уличного шума.

– Что у вас здесь случилось? – заметив состояние Карины, спросил Сергей, входя в кухню и внимательно оглядывая обстановку. – Вас как будто привидение посетило...

– Ой, слушайте, мужики. Я до сих пор дрожу, – Карина присела на табуретку. – Час назад звонок. Я, как дура, подхожу к двери – «кого», спрашиваю. Мне говорит мужик: «Илью». Ну я, как культурная, открываю. Начинаю объяснять, что тебя, Илья, нет. Он страшный такой, косматый, меня отпихнул, и в комнату. Всю квартиру осмотрел, в туалете защелку сломал, там как раз Басурман сидел. Так он его с толчка поднял, лицо рассмотрел и по квартире как начал метаться! Словно полоумный. Я уж думала, конец. Силищи необыкновенной! Ежели бы обычный мужик, я б ему в пах ногой съездила – и дело с концом. А этот не-ет! Совсем не такой. Глаза пустые, похоже, ничего не соображает, как наркоман обторченный. В транс как будто... Ну у тебя, Илюха, и друзья!

– Что-то я таких не знаю. – пожал Илья плечами.

– Нечего дверь было открывать, – сказал Сергей, сев за стол. – Сколько раз тебе говорил.

– Да ты не врубаешься, что ли?! Я же дверь твою спасла. Если бы я ему не открыла, он бы сломал твою дверь к чертовой матери. Знаешь, силищи какой?! И глаза пустые. Транс – одно слово. Басурманчик у меня от страха чуть не помер.

Басурман стоял рядом, всем своим перепуганным видом подтверждая рассказ Карины.

– Еще один такой, ешки-матрешки, стресс – и в ящик, – Карина положила ладонь на массивную левую грудь. – Я ведь даже обед не приготовила.

Вечером, когда Карина с Басурманом немного поуспокоились, Сергей позвонил своей тетушке, у которой обнаружился адрес адвоката, и попросил вспомнить, где живет друг отца. Тетя Люся не вспомнила. Потом позвонила через два часа и сказала, что живет он в Красном Селе, на Таллинском шоссе, что зовут его Марк Анатольевич, что у него свой дом и огород. А через час позвонила снова и сказала, что дом его – не доезжая Красного Села по правую сторону шоссе.

– Завтра поедем искать Марка Анатольевича, – вечером сказал Сергей. – Может быть, он что-нибудь знает.

– А Марина? – спросил Илья.

– Успеется. Она от нас никуда не денется, что характерно.

Глава 4

ЭТА ЖЕНЩИНА ПОГУБИЛА ЕЮ!

Утром, когда Сергей сказал Карине о том, что они уезжают с Ильей по делам, Карина опечалилась – по ней это было заметно сразу: она перестала разговаривать и весь завтрак просидела хмурая. И только уже в конце завтрака, убирая посуду, бросила, как бы ни к кому не обращаясь:

– А этот трансформер опять припрется, чего с ним делать-то?

– Лучше двери никому не открывайте, – посоветовал Сергей.

Карина в ответ только хмыкнула.

– Нам предстоит, что характерно, большая работа, – сказал Сергей, вырulingивая из двора. – У меня предчувствие, что мы сегодня узнаем что-то важное.

Район, в котором нужно было разыскивать товарища отца Сергея, протянулся на четыре километра в виде разнокалиберных деревянных домиков с крохотными шестисоточными участками по обе стороны шоссе.

Для начала они проехали до самого Красного Села, обозревая объем работ, и это угнетало: за день обойти все домики представлялось маловероятным. Тем более, что было известно только имя и отчество нужного им человека.

У первого дома в огороде копалась скрюченная старуха. Она много раз переспросила, кто им требуется, после чего надолго задумалась. Но вразумительного ответа от нее так и не дождались. В следующем доме мужчина пилил дрова, но в разговоре с ним тоже зря потеряли время... Потом деревянные домики слились в единое целое представление, и их уже трудно было запомнить и различить. Встречались в них чаще других одинокие старухи и престарелые мужчины. У всех друзья спрашивали только одно: «Не здесь ли живет Марк Анатольевич?»

В бесплодных поисках прошло четыре часа. Изрядно устав и потеряв всякую надежду отыскать нужного человека, Сергей уже с какой-то безнадежностью смотрел на унылое однообразие домиков и их жителей.

– Эй, бабуля, – остановил он печально бредущую старуху.

Но бабка, не остановившись, прошла мимо – то ли не услышав, то ли не обратив внимания на мужика.

Возле стареньких «жигулей» на другой стороне шоссе возился пузатый мужчина в свитере лет сорока пяти. У него были черные сросшиеся над переносицей брови. Потому как больше живых людей в поле их зрения не было, Сергей с Ильей не поленились и перешли на другую сторону.

– Извините, пожалуйста, вы не знаете, где живет Марк Анатольевич? А то адрес, знаете ли, потеряли...

Бровастый пузан перестал протирать машину и, подняв глаза, посмотрел на Илью с Сергеем. У него были жесткие, неприятные глаза.

– А вам он зачем? – неожиданно спросил он.

– Нужен, – ответил Сергей не очень-то довольным тоном. Он терпеть не мог, когда совали нос в его дела.

Мужик молчал, глядя на них сумрачно.

– Не знаете, так бы и сказали, – бросил Сергей и повернулся, чтобы уходить.

– Вон в этом доме он живет, – глухо сказал пузан и закашлялся. – А вон сынок его воду домой тащит.

Слово «сынок» у него вышло как-то издевательски, вероятно он не любил детей.

И они, перейдя шоссе, подошли к двухэтажному домишке, выкрашенному темно-синей краской.

Мальчик лет восьми нес в дом два ведра с водой.

– Эй, мальчик! – окликнул его из-за забора Сергей. – Эй!

– Чего? – отозвался тот, бросив мимолетный взгляд в сторону калитки, за которой остановились Сергей с Ильей, и поставил ведра на дорожку.

– Марк Анатольевич здесь живет?

Не ответив, мальчик поднял ведра и пошел к дому.

– Эй, пацан! – снова окликнул Сергей удаляющегося подростка.

Но мальчик, больше не обращая никакого внимания, исчез за дверью дома.

– Ну-ка пойдём, – сказал Сергей.

Они прошли в калитку и по выложенной плиткой дорожке между высокими растущими вдоль нее деревьями подошли к дверям веранды и, постучав, но не дождавшись ответа, вошли.

На веранде никого не было. Посредине стоял круглый покрытый клеенкой стол, три табуретки, в углу оттоманка. Сергей и Илья подошли к двери, ведущей в дом. Дверь была приотворена, из-за нее слышались голоса.

– ...Нет, я выйду!.. – мужской со скандальными нотками голос.

– Не нужно. Я боюсь!.. Мы боимся за тебя, – тоненький, вероятно, принадлежащий мальчику.

– Я пойду!

– Нет! Я запрещаю. Мы запрещаем! Мы не пустим тебя. Без тебя мы пропадем...

Сергей деликатно покашлял. Разговор за дверью мгновенно смолк.

Дверь медленно, со скрипом приоткрылась, образовав щель, и в эту щель высунулась голова мужчины с длинными волосами и большим носом, кончик которого был уныло приопущен. Было в этом лице что-то с виду парадоксальное, смешное, но по сути грустное. Голова с любопытством оглядывала гостей, но вдруг дернулась, выражение глаз переменялось на испуганное. Голова снова дернулась. Было такое впечатление, что между этим человеком и еще кем-то, находящимся за дверью, происходит борьба. Внезапно голова исчезла с глаз, должно быть, пересилив, его все-таки втащили обратно в комнату. Дверь захлопнулась.

Сергей, уже было открывший рот, так и не успел ничего спросить.

– Ну вот, я же говорил, что это ко мне, – донесся из-за двери тот самый мужской голос со скандальными нотками.

– Нет, я не пущу тебя. Мы боимся за тебя, – тот же тоненький голосок.

Где-то, казалось, Илья уже слышал эти голоса. Но где?!

– Эй, уважаемые, Марк Анатольевич здесь живет?

Сергею надоело слушать пререкания хозяев дома. Разговор тут же смолк. За дверью воцарилась тишина.

– Вы кто такие? – донесся из-за двери тонкий голосок.

– Как только Марк Анатольевич появится, я ему сразу скажу, что характерно.

За дверью опять заспорили только уже шепотом, и разобрать было абсолютно невозможно ни слова. После некоторых пререканий дверь наконец открылась, и на веранду медленно и осторожно вышел тот самый выглядывавший в щель носатый мужчина.

– Я и есть Марк Анатольевич, – сказал он и, оглядев друзей, как-то обреченно уселся на табуретку возле стола.

Жестом он предложил друзьям сесть на оттоманку. Лицо этого человека сразу расположило к себе Илью: было в нем что-то привлекательное, смешное и в то же время грустное. Сразу было видно, что это добряк и за доброту свою страдает, от этого глаза его всегда печальные.

– Я, Марк Анатольевич, сын вашего старого друга Василия Александровича Родионова.

– Ах, вот оно, вот оно что! – воскликнул обрадованный Марк Анатольевич, – его грустные глаза прослезились.

Он поднялся на ноги. Судя по его виду, встреча с сыном своего старого друга растрогала его.

– Да как же ты меня нашел?! – обнимая поднявшегося ему навстречу Сергея, спросил он.
– Случайно.

Сергей вкратце рассказал, что у его тетушки нашелся приблизительный адрес и что у них на поиски ушло полдня.

Марк Анатольевич поставил на плиту чайник и, пока тот подогревался, слушал рассказ Сергея о поддельном завещании, об исчезнувшем адвокате, о дочери женщины, с которой встречался его отец... Марк Анатольевич слушал, изредка только изумляясь рассказам Сергея.

– Это какой-то детектив получается, – сказал он, позабыв о стоящем на плите чайнике.
– Теперь вы понимаете, почему я хотел поговорить с вами? – сказал Сергей.
– Да, дружок. Конечно, конечно, понимаю.

Он встал, снял чайник с плиты, заварил чай.

– Я рад был бы тебе что-нибудь рассказать. Но поверь. Ничего мне не известно.

– Но ведь вы были дружны с отцом.

– Да, дружен, – почему-то испугался Марк Анатольевич, словно его могут заподозрить в лицемерии. – Конечно, дружен. Твой отец мне говорил, что он хотел бы умереть в Китае. Но мне решительно неизвестно, уехал он туда или нет. Так что вот, дружок. И потом в последнее время мы были не очень близки – он обиделся на меня... Впрочем, это уже не имеет значения. Эта ужасная женщина, с которой он имел близкие отношения. Ты знаешь, это ведь действительно была ужасная женщина... И если все так, как ты говоришь, если все так! То это она погубила Василия...

За дверью в том помещении, откуда так странно появился Марк Анатольевич, что-то звякнуло. Было такое чувство, что кто-то стоит тихонько за дверью и, приложив ухо к щели, слушает... Наверное, тот противный, злой мальчишка. Звякнуло снова, вслед за тем раздался тяжелый стук, словно что-то большое обрушилось на пол. Марк Анатольевич прислушался, виновато улыбнулся и, извинившись, вышел в соседнюю комнату. Некоторое время через дверь доносились перешептывания, но слов было не разобрать. Несколько минут спустя Марк Анатольевич вернулся. Судя по лицу, он был чем-то расстроен. Но быстро взял себя в руки.

– Так что вот, дружок, ничего я тебе нового сказать не могу.

Он разлил по чашкам чай.

– Жаль. Я надеялся все-таки узнать у вас хотя бы адрес женщины, с которой встречался отец.

– Даже этого сказать не могу. Единственное, что я могу утверждать наверняка, это то, что она была как бы не в себе слегка... Но самое главное – у отца твоего было слабое сердце. Возможно, ты даже об этом не знаешь, но это, дружок, так. Он скрывал от всех этот свой недуг.

– Странно. Я всегда был уверен, что у отца прекрасное здоровье, – Сергей задумчиво покачал головой.

– Да, дружок, больное сердце. Это он скрывал от всех.

Марк Анатольевич поил друзей чаем с малиновым вареньем. Но за весь последующий разговор Сергей не узнал ничего нового.

Марк Анатольевич проводил друзей до калитки, на прощание обнял Сергея, протянул руку Илье.

– Если ты что-нибудь узнаешь, обещай, что обязательно сообщишь мне! Ведь тебе известно, как я любил твоего отца. – Марк Анатольевич еще долго стоял на дороге, глядя вслед удаляющейся машине.

– Какой добрый человек, – сказал Илья, когда они отъехали от дома Марка Анатольевича.

– Да, удивительный добряк с виду, по-моему, только его дети над ним издеваются, что характерно. Таким всегда не везет. Но, честно говоря, я ожидал от него узнать хоть какую-нибудь подробность последних дней жизни отца... Теперь у нас остается последняя надежда: вытрясти хоть что-нибудь из этой девицы.

– Вытрясем, – уверенно сказал Илья.

Было уже семь часов вечера, когда друзья доехали до гаража.

– Теперь давай другую тактику изберем, – сказал Сергей. – Через гараж проникнем и прижмем кочегара к теплому боку котла. Пусть попробует что-нибудь скрыть.

Оставив машину во дворе, они прошли в гараж, а оттуда уже по знакомому пути спустились под пол. На Илью тут же нахлынули приятные воспоминания. Он вспомнил, что перед уходом не позвонил Жанне, и расстроился.

– Ну, полезем, что ли? – Сергей заглянул за шкаф. – Слушай-ка, я ведь здесь пистолет Чукчин спрятал, – вспомнил он.

Сергей присел на корточки и, засунув руку в щель между шкафом и лазом, стал во тьме шарить там рукой. Илья стоял рядом.

– А-а... вот он! – Сергей извлек сверток и, размотав тряпку, с любовью посмотрел на пистолет. – Красавец. Давай-ка я его перепрячу подальше от этого места.

Он снова замотал пистолет в тряпку и прошел в дальний угол, где был душ, там, отодвинув какой-то ящик, сунул пистолет в щель.

– Запомни, что характерно, может пригодиться, – улыбнулся он Илье и вдруг насторожился, поднял кверху палец. – Будто шебаршение какое-то. Слышал? – проговорил он шепотом.

– Может, крыса? – предположил Илья, ему сделалось не по себе, на память пришли, конечно же, не маленькие безобидные грызуны, а огромные крысищи, которых он видел под кладбищем. Шорох повторился. Сергей сделал Илье знак не двигаться, сам же, произведя несколько бесшумных шагов, неслышно выключил свет.

Илья pokrылся липкой испариной. Он никак не мог предположить, что Сергей догадается выключить свет, ведь теперь они оказались бессильными перед жуткими подземными грызунами, даже если эти звуки издает ползущая под землей чудь, это тоже не сулит ничего приятного.

За то время, пока Илья сидел в крошечной темноте, он успел напредставлять себе множество различных ужасов. Из-за всех сил, до боли в глазах вглядываясь в беспросветную тьму, он мечтал только об одном, чтобы Сергей поскорее включил свет. Перед глазами всплыл Рахит с отъеденной головой, охранник в тот отвратительный и чудовищный момент, когда крыса, словно макаронину, перекусила ему руку... Его крик, страшный крик лютой муки... вопль этот бился в памяти до сих пор.

Там, где был лаз, что-то звякнуло, зашуршало... Илья напрягся, страх душил, стало трудно дышать.

«Нужно сказать Сергею, чтобы зажег свет. Скорее, пока не поздно!...» – панически пронеслось в мозгу Ильи.

И тут он почувствовал движение. Совсем рядом со своим лицом. Он замер, сердце ухало в груди, во рту пересохло... Потом снова легкое движение воздуха возле самого лица... Может быть, это Сергей?.. И тут до лица Ильи кто-то дотронулся. В полной темноте это произвело на Илью сильное впечатление и словно парализовало его – рука ощупала его лицо... И тут напряженная до последней степени тишина лопнула, взорвалась!.. Истошный вопль прорезал глубокую тишину подземного помещения. Показалось даже, что ярко вспыхнул свет. Но так только показалось, это женский крик прозвучал, как вспышка...

Тут же зажглась лампочка под потолком. И Илья увидел прямо перед собой перекошенное ужасом лицо орущей девицы, в которой он не без труда узнал Марину, настолько страх переменял ее внешность.

Увидев перед собой Илью, девица орать перестала.

– Ты что, вообще дурак?! Разве можно в темноте прятаться, чуть до инфаркта девушку не довел. – Она перевела взгляд на Сергея. – А это кто с тобой? Вы то бедную девушку пистолетом пугаете, то в темноте рожу подставляете. Совсем офигели.

Сегодня на ней был легкий халат, под которым, как догадался Илья, больше ничего не имелось, кроме фигуры, а фигура у нее была что надо – это Илья успел заметить еще при первой их встрече.

– Хорошо, что ты, Марина, сама к нам приползла: нам хоть пачкаться, что характерно, не придется, – сказал Сергей. – Ты присядь, поговорить нужно.

– А я девушка честная. Я с незнакомыми мужиками не разговариваю, у вас мужиков, одно на уме, – она этак провела по бедру и прогнулась, что если «этого» даже на уме и не было, то сразу пришло. – А я девушка честная. Этого кента я уже видела, – кивнула она в сторону Ильи. – С ним поговорю, а с тобой не буду.

– Это Сергей, – сказал Илья. – Он хозяин этого помещения.

– Да. Ты у меня, что характерно, в гостях, – ухмыльнулся он. – Так что садись, красавица. Сядь!! – вдруг рявкнул на нее Сергей.

Та от неожиданности села на кровать, но тут же взяв себя в руки, нахально сузила свои кошачьи глаза, отчего халат на ней сразу показался лишним, и соблазнительно закинула ногу на ногу. От этого движения очень удачно приоткрылась часть ее груди... Словом, все было проделано, чтобы выбить Сергея из равновесия. Но Сергея не так-то просто было вывести из равновесия – он, не обращая внимания на подстроенные Мариной гадости, сел на стуле напротив. Того же нельзя было сказать об Илье. Он, конечно, тоже уселся на кровать, но все время искоса поглядывал на выставленные для обозрения «гадости».

– Мы, Марина, не хотим причинять тебе зло, – начал Сергей, неторопливо, отчетливо произнося каждое слово, для того чтобы отчеканить их смысл в ее сознании. – Этот гараж принадлежал моему отцу. Когда он умер, меня не было с ним, я был тогда далеко, в армии. Много лет я думал, что отец мой умер своей смертью, но вот появляешься ты...

– Знаешь чего, – перебила Марина. – Как там тебя зовут... Отстань от меня. Наврала я тогда, испугалась сильно и наврала! Понял?!

– Видишь ли, Марина, – ничуть не переменяв спокойного, вкрадчивого своего тона, продолжал Сергей. – Я очень любил отца, поэтому мне необходимо знать, какой была его смерть. Мне неизвестно, какие отношения у твоей матери были с моим отцом, но я должен, обязательно должен найти ее.

При этих словах Сергея лицо Марины недовольно скривилось.

– Не выйдет, умерла моя мать... Ладно, мне понта нет от тебя скрывать. Расскажу, что знаю. Моя мать твоего отца ужасно любила, от этого и поплатилась жизнью. Я думаю, что тот же сукин сын и с ней разделался. Так что и в моих интересах, чтобы ты его разыскал.

– В таком случае, что характерно, ты мне должна рассказать все, что знаешь.

– А я тебе уже все и рассказала. Я ж больше ни фиги не знаю.

– Так какой смертью умер мой отец?

– Пропал. В один прекрасный день мать приходит такая расстроенная. Ну, у нас с ней тогда отношения поганые были – я тогда как раз с плохой компанией связалась. Но потом она мне все-таки рассказала, что отец твой пропал. После вроде письмо от него пришло из Китая, а потом сообщили, что он там и умер. Но мамаша моя не верила, что он в Китай уехал. Ну и все. Дальше она стала соваться везде... Ну, а потом умерла.

– Подожди, что значит «соваться везде»?

– Ну что значит. Свидетелей каких-то опрашивала... А там как раз два убийства произошли, ну, она ими все интересовалась, вот и доинтересовалась...

– Какие убийства? Почему она ими интересовалась? – не отставал Сергей.

– Да что ты меня пытаешь? Я что, помню? Я тогда молодая была, мне это пофиг было.

– Ну хорошо, Мариночка. Ну хоть адрес знакомой твоей матери дай. Ну были же у нее подруги или соседи там какие-нибудь...

– Слушай, что ты от девушки хочешь? Я ведь с восемнадцати лет дома не живу.

Еще около получаса Сергей пытался выведать у Марины хотя бы один адрес, выяснить хотя бы одну подробность. Но та топила в развязной наглости все здравые мысли, и Сергей фактически не узнал ничего. Разговор с девицей только укрепил в нем уверенность в том, что смерть отца носила далеко не естественные причины.

– Врет она все, – заключил Сергей, когда они вышли из гаража. – Не верю я ей.

Время хотя и было позднее и уже сгустились сумерки, возле машины Сергея, сидя на корточках, в мокром песке совочком копалась девочка лет восьми, в синем пальтишке. Илья только мельком взглянул на нее, пожалев несчастное существо, вынужденное играть в убогом дворике в малом количестве песка.

«Видно, родители алкаши», – подумал он.

– Знаешь, что, – Илья остановился возле машины. – Ведь нам известны фамилия и имя Марининой матери. Давай я завтра позвоню Жанне, и она через свою контору моментально узнает о ней все. А если Марина врет, что она умерла, мы узнаем ее адрес.

– Ты знаешь, у меня, что характерно, тоже такая мысль мелькнула. А если она умерла насильственной смертью, то в их картотеке все эти случаи зафиксированы. Ну поехали!

Они сели в машину, Сергей завел двигатель. Копавшаяся в песке девочка, чтобы ее не задавили, нехотя поднялась с корточек и перебралась в другое место.

Бедное дитя!

– Что это за сверток? – спросил Сергей, когда они поднялись по лестнице до двери квартиры.

Возле двери лежало что-то, завернутое в газету. Сергей остановился, не трогая свертка.

– Думаю, в нем отрубленные кошачьи головы, – предположил Илья.

– Странная мысль.

Илья наклонился и двумя пальчиками отогнул край газеты.

– Ну, так и есть.

– Интересно, что бы это значило? – хмыкнул Сергей.

– Боюсь, что это новое предупреждение, – ответил Илья, поднимая пакет.

– Думаешь, от чуди посылочки?

– Возможно, и от них, – пожал Илья плечами.

– Пойду во двор отнесу. Вчера вечером уже такую же посылку выбросил, правда, вчера было пять голов, а сегодня почему-то четыре. Одну не доложили. Безобразия!

– А ты жалобу напиши.

Илья стал спускаться по лестнице.

– Подожди, я с тобой, – окликнул его Сергей.

Они вышли во двор. Сергей внимательно оглядывался кругом. Сверток опустили в помойный бак.

– Знаешь, Илья, – остановил его Сергей возле парадной. – Ведь ты находишься в опасности. Рано или поздно городская чужь доберется до тебя. Ты думал об этом?

– Конечно, думал, – признался Илья.

Действительно, много раз он с ужасом вспоминал то, что вынес из-под земли тайну древнего народа и что они не успокоятся, пока не поймают его и не сотрут часть памяти... а может

быть, и всю, чтобы превратить его в полного идиота и полностью уже обезопаситься. Но не мог он, не хотел покидать этот город. Что-то перекувырнулось в душе Ильи за то время, пока он жил в Петербурге. Бывало, ночью, когда плохо спалось, он с тоской думал: «Завтра же сяду в поезд и уеду в свой спокойный, тихий Новгород. Устроюсь снова работать на электрическую подстанцию, буду книжки читать... – а потом вдруг одумывался: – Да как же я без этого сумасшедшего города?! – и в ужасе холодел: – Нет! Уеду!»

А когда просыпался наутро, водоворот событий снова закручивал его, и снова вихрь мчал дальше. И снова кругом была опасность, смерть, ужас... Как он может покинуть этот город с его приключениями, еще не раскрытыми тайнами... С Жанной, наконец! Слишком многое связывало его уже с ним корнями... Да, корнями, ведь у него под землей был ребенок... и он оказался невольным продолжателем древнего живущего под землей народа чуди. Как он мог оставить этот пусть даже полный смертельной опасности город? Как?!

– Знаешь, Сергей, китайский философ Лао-цзы когда-то где-то написал: «Стоящий на цыпочках не простоит долго». Это ты сказал мне полгода назад. За эти полгода я успел постоять на цыпочках в буквальном смысле и скажу тебе, что Лао-цзы был прав. Но только здесь я чувствую жизнь, чувствую, что я живой... Ну, может быть, пока живой. Только в этом городе мне хорошо. И потом, помнишь? Я приехал из Новгорода, чтобы разобраться. Но ведь я не во всем еще разобрался.

Сергей улыбнулся:

– Я знал, что ты приблизительно так ответишь.

Они вошли в парадную и поднялись до дверей квартиры. На звонок тут же открыла Карина.

– Что случилось? – с порога спросил Сергей, только мельком бросив на нее взгляд.

Друзья вошли в прихожую.

– Да нет, ничего не случилось, все в порядке, – повела Карина плечами.

Но голос у нее был какой-то необычный, словно она что-то недоговаривала. По ней всегда было заметно, когда она что-нибудь пыталась скрыть. Сергей не стал настаивать. Раздевшись, друзья прошли в кухню. Карина стала подавать на стол.

– Этот жлоб-то – Транс – не являлся? – любопытствовал Илья. Он жутко проголодался за сегодняшний день.

– Не являлся, – сумрачно ответила Карина.

В кухню, по обыкновению скорым шагом, вошел горбун, три раза обежал вокруг стола и удалился.

– Ложку у меня спер, – пожаловался Илья.

Карина подала другую.

– Слушай, когда ты этого горбуна придурковатого в психушку обратно возвратишь? Ведь он достал меня окончательно, все тырит...

В кухню вошел Басурман и тихонечко уселся на табуретку в углу. Под глазом у Басурмана красовался тщательно припудренный синяк.

– Вон, на Басурмана разлагающее действие оказывает, – продолжала Карина. При его упоминании Басурман испуганно вздрогнул и, втянув голову в плечи, покосился на свою невесту. – Теперь, как только горбун бредятину нести начинает, он сразу к нему и стоит слушает, как приклеенный, – уперев руки в бока и выпятив обширную грудь, громогласно вещала Карина. – Он, стервец, на Басурмана своей болтовней плохо влияет...

– Подожди, Карина, ведь горбун бред сплошной несет, – вступился за бредовика Илья. – Его и русский человек не понимает, а этот и совсем гвинец – он по русски-то ни бельмеса.

– Вот он – не понимает! – Карина сунула в нос Илье фигу. – Все он понимает! О чем же они, по-твоему, тогда разговаривают? Да и Басурман совсем безнравственный от проповедей бредовика сделался. Никогда он, людоед несчастный, ко мне не лез! А тут лезет. Глазищи во!!

И лезет, лезет!.. Прямо еле сладила. Давай увози горбуна к чертовой матери. А то я дверь на лестницу открытой оставлю, пускай по дому шлындрает. Здесь все-таки жилая квартира, а не дурдом...

Карина совсем распалилась.

– Ладно, придумаем что-нибудь, – обнадежил ее Сергей.

– Да, тебе, Илья, твоя хромоногая звонила. Три раза, – мгновенно успокоившись, сказала Карина.

Когда Илья с Сергеем ложились спать, Сергей, задумчиво теребя ус, сказал:

– А ведь действительно, что с горбуном теперь делать? Китайца, что характерно, уже в живых нет. Значит, все его рассказы о подземных лабораториях нам не потребуются.

– Я думаю, что он нам все уже рассказал, вот только расшифровать это сложно будет. Раз уж у тебя крыша от этого бреда едет, то что тогда о других говорить?

– Кассеты, ладно. С горбуном чего делать будем? Может быть, его, что характерно, обратно в дурдом подбросить?..

– Снова по подземному ходу полезем? – Илья закатил глаза к потолку. – Опять к другу твоему инквизитору... В общем, все сначала.

– Ну, если не хочешь, я сам его отвезу. А то Карину жалко.

Глава 5 ПРОКЛЯТЫЙ ПЕТРУШКА!

Проснувшись утром, Илья позвонил Жанне и после многочисленных любовных шушуканий и намеков попросил у нее навести справки о Лухт Вере Вольфовне, потом добавил шепотом, что очень скучает и ждет не дождется встречи. Жанна пообещала навести нужные справки, но за это потребовала с Ильи немислимую плату: сто поцелуев. После пятнадцатиминутного торга Илье удалось увеличить это количество до двухсот.

Сергей тренировался в избиении «груши». Карина попросила Илью сходить в булочную. Она бы послала Басурмана, но тот имел побитый вид и не всегда покупал то, что просили.

Как только Илья вышел из двора, возле него остановилась машина «скорой помощи».

– Эй, мужик! Погоди, мужик!

Из машины вышел санитар в белом халате.

– Ну, чего?

Илья остановился, на всякий случай оглядевшись, куда в случае чего можно убежать. Санитар был Илье не знаком, по возрасту лет двадцати двух. Вслед за ним из машины вышел второй медработник с усами, возрастом постарше, и тоже направился в сторону Ильи.

– Эй, слышь, у тебя документы есть? Паспорт или полис страховой...

– Может, медицинская карточка есть? – спросил второй недовольно.

– Нет. А зачем?

Они остановились рядом с Илей, никак не проявляя враждебности.

– Да нужно. А ножа случайно с собой в кармане не носишь? – спросил санитар постарше. – А-то ищем мы, понимаешь, мужика одного с ножом. Брадобрей кличка у него. Не встречал?

– Может быть, Парикмахер? – предположил Илья.

Санитары переглянулись.

– Да вроде я слышал, Цирюльник кличка у него, – пожал плечами молодой.

– Хрен его знает. Мне сказали Брадобрей, – упорствовал санитар постарше.

– Мы вообще недавно на работу устроились, – виновато пояснил молодой. – Нам сказали: «Вот вам город Петербург – ищите Брадобрея или Цирюльника с ножом...»

– Может быть, Садовника с граблями? – пошутил Илья.

– Тебе весело, – обиделся молодой. – А нам сказали, не поймаете Брадобрея за полгода – уволим на хрен. А как он выглядит? Где обитает?.. Городище-то огромный.

– Да, задача сложная, – согласился Илья. – А тех, которые до вас работали, стало быть, уволили?

– Уволили, – подтвердил старший санитар, достал из кармана пачку сигарет и предложил Илье одну для угощения.

Илья, хотя и курил всего несколько раз в жизни, взял и прикурил от протянутой зажигалки. Приятно закружилась голова.

– Так, ты говоришь, Садовника с граблями им подсунуть? – усмехнулся усатый. – Это идея. Тем более, они там сами не знают, кого ловить нужно. Привезем им садовника с граблями. Пусть не обижаются.

Санитары, похохатывая, направились к машине.

– Или Могильщика с лопатой, – сострил им вслед Илья и, покуривая, направился в булочную.

– Повара с поварешкой! – крикнул из окошка санитар.

Когда Илья вернулся из булочной, дверь ему открыл Сергей.

– Звонила Жанна, она навела справки о Лухт. Оказывается, она жива.

– Вот это здорово, – обрадовался Илья, проходя в кухню. – Адресок она, надеюсь, сказала?

– Сказала, – как-то уныло проговорил Сергей.

– Ну, так чего же ты недовольный такой? Нужно поехать и у нее все узнать.

– Поехать мы, конечно, поедem, – Сергей опустилcя на табуретку. – Но есть одна, что характерно, загвоздка. Гражданка Лухт – сумасшедшая. И мало того, опасная сумасшедшая. Она обвиняется в двух убийствах и в данное время пребывает в состоянии полной невменяемости".

– Все равно ехать нужно. Может быть, хоть что-нибудь узнаем.

– Жанна по своим каналам обещала устроить встречу. Поедем посмотрим на нее, но я не думаю, что выяснить что-нибудь удастся.

Вера Вольфовна Лухт содержалась в психиатрической клинике с особым режимом. Здесь не было случаев выздоровления, хотя таблетки выдавали всем обязательно (три раза в день по шарикy аскорбиновой кислоты), но это помогало не всегда, а вернее сказать, никогда не помогало. Так что лечились они в больнице до скончания своих дней, тем более что случаи здесь были в большей степени безнадежные. Убежденные убийцы, насильники, поджигатели... Причем в поголовье своем имевшие не одну жертву, а больше, порой значительно больше. Так что их не особенно старались лечить. И на чью психику аскорбиновая кислота не действовала, на тех напрасно медикаменты не переводили и не экспериментировали. Потому что если бы их вылечили и выпустили... Кому бы от этого было лучше? Кроме того, среди убийц и насильников бродили секретчики. То есть те, кто носил в своем помутненном рассудке государственный секрет, о неразглашении которого подписал когда-то в здравом уме и твердой памяти документ.

Раньше таких увозили в специальную клинику в самом сердце России. Там, за колючей проволокой под сверхвысоким напряжением, охраняемый, как Кремль, весь дурдом был набит государственными секретами. И на картах ЦРУ периода холодной войны значился (по важности) объектом № 1, после Кремля, разумеется. Но с некоторых пор гнать через всю страну спецэшелон с сумасшедшими ленились и определяли их в эту клинику особого режима, где они могли беспрепятственно рассказывать государственные тайны любому убийце и участнику государственного переворота сколько угодно.

Разумеется, что в такую закрытую больницу допускали только по специальному разрешению. А у Сергея с Ильей как раз такие разрешения и были.

При входе человек в белом халате, из-под которого явственно проступала форма с погонами, пристально разглядывал документы и их владельцев. Потом предложил им пройти в другое помещение.

Больница была тюремного типа: везде решетки, только дежурные не в мундирах охранников, а в белых халатах. Они проходили через решетчатые двери, которые после их прохода тут же закрывались. Заметил Илья среди охранников и одну женщину, но такого вида, что ей больше пошло бы быть мужчиной. В сопровождении «медбрата» они прошли через двор, поднялись на второй этаж. Навстречу им попалось несколько умалишенных женщин в сопровождении санитаров. Наконец их ввели в небольшую комнату. Посредине стоял привинченный к полу стул с подлокотниками, на которых имелись ремни, чтобы ими в случае необходимости можно было пристегнуть руки и ноги.

Друзьям предложили сесть на лавку напротив стула.

Илья с тревогой озирался по сторонам. Больше мебели в комнате не имелось, потемневшие толстые стены, тюремные решетки на окнах – вся эта обстановка угнетала дух. Казалось, что это надолго, навсегда, что им никогда уже не выйти из этих стен. Даже Сергей, вдруг притихший, глядел кругом настороженно.

Ждали они минут двадцать. Наконец в коридоре раздались шаги, дверь открылась, и двое санитаров, предупредительно поддерживая под руки, ввели седовласую, гладко причесанную женщину в халате. Она по-детски испуганным взглядом обвела присутствовавших и, при помощи санитаров усевшись на стоявший в центре стул, сказала с капризными нотками обиженной девочки:

– Мне Марусю взять не разрешили... Как поставлю ее в угол, гадкую!..

Сдвинув брови, махнула сухоньким кулачком, топнула ножкой и, сунув указательный палец в рот, склонила голову набок, искоса уставившись на Илью.

– Вера Вольфовна... – немного конфузясь, начал Сергей.

– Верочка, называйте ее Верочка, иначе она не станет разговаривать, – сказал один из стоявших рядом с женщиной санитаров.

– Верочка, – негромко повторил Сергей, ему было трудно пересилить себя и назвать эту преклонных лет женщину таким несерьезным именем. – Верочка, – наконец начал он. – Вы... Вы когда-то...

– Говорите ей «ты», только «ты», – вновь перебил тот же санитар.

– Верочка, ты встречалась когда-то с Василием Александровичем. Я его сын. Я хочу знать, что с ним случилось?

– Вася, Васенька, Вася, Василек... – не вынимая изо рта палец, нараспев завывала женщина, качая головой из стороны в сторону и не сводя с Ильи глаз, так что ему стало неудобно под введливым взглядом сумасшедшей. – Вася, Василек...

– Я его сын... – попытался перебить женщину Сергей.

– Вася, Васенька... – не слушая его, продолжала тянуть женщина. – Верочка любила Васеньку, но пришел злой-презлой и забрал Васю, – вдруг сказала она все так же нараспев: – Вася, Васенька...

– Кто пришел? Кто злой-презлой?

Но женщина не слушала и ни разу так и не взглянула на Сергея: Илья, видно, ей нравился больше.

– Васина дочка не знает про папочку, но пришел злой-презлой... Вася, Васенька...

– Верочка, кто злой? Как его звали? – Сергей подался вперед, напряженно стараясь хоть что-то понять из бреда сумасшедшей.

– Вася, Васенька... Злой-презлой... Петрушка!! – она изо всех сил выкрикнула это имя. – Злой Петрушка украл Васю, Василечка! Петрушка – это он!! – вдруг бешено возопила старуха и ткнула обшлюявленным пальцем в лицо Ильи.

Илья вздрогнул, внутренне сжался, втянул в плечи голову; холодная струйка побежала между лопаток.

– Он, проклятый!! – брызжа слюной, визжала старуха изо всех своих силенок. – Он всех убьет!!!

Она попыталась соскочить на пол, чтобы вонзить в лицо Ильи свои ногти, но санитары предупредительно-нежными, но сильными надавливаниями на плечи усадили ее на место.

– Он, проклятый Петрушка!! – продолжала обзывать Илью женщина.

– Больше вы от нее ничего не добьетесь, – сказал санитар.

И действительно, с каждым выкриком женщина все больше входила в истерическое состояние. Она заходила в крике, крутила головой, глазами, но ни на мгновение не выпускала из поля своего зрения изумленного, перепуганного, подавленного Илью.

– Ничего не добьетесь, теперь вам лучше уйти – посоветовал все тот же санитар.

Друзья встали и бочком, чтобы разъярившаяся женщина не достала до них, пошли к выходу.

– Петрушка!! Проклятый Петрушка!!!.. – орала она не переставая, и все смотрела на Илью, и, когда он проходил мимо, изгибаясь все еще, вслед умудрялась проклясть его взгля-

дом... и заглядывала через плечо, провожая его до двери, извиваясь в крепких руках санитаров...

– Проклятый Петрушка!!! Проклятый!!..

Тяжелая дверь заглушила ее крик.

В коридоре их ждал провожатый. Дрожащей рукой Илья вытер со лба пот, его знобило.

– Пойдемте, – без лишних слов и расспросов сказал провожатый, едва только взглянув на них.

Сергей с Ильей пошли вслед за ним. Ноги плохо слушались Илью. Прodelав тот же путь, на сей раз в обратную сторону, они, распрощавшись с проводником, вышли из здания лечебницы.

Моросил мелкий холодный дождь. Вспотевшему Илье сразу стало холодно. Он сунул руки в карманы и поежился. Ему не хотелось говорить. Сергей, понимая это, сел в машину, включил магнитофон и завел двигатель.

Всю дорогу они не сказали ни слова. И только когда Сергей через некоторое время повернул во двор и остановил машину, Илья заметил, что приехали они снова к гаражу.

«Господи, снова сюда... Зачем? – пронеслось в голове. – Как я устал от всего... Как устал...»

Что-то случилось с Ильей сегодня, что-то перекувырнулось в душе. Он не мог понять почему, но сейчас казалось, что он всегда, всю свою жизнь ждал, что кто-нибудь скажет ему эти слова, которые прокричала сумасшедшая старуха В чем был их смысл? Да и был ли смысл вообще? Скорее что-то сидящее глубоко внутри него, чего он не понимал, панически боялся и все-таки ждал. Ждал всегда. И вот теперь дождался – получил и не знает, что с этим делать. Теперь он имел ключевую фразу. Но что она значила? Словно получил золотой ключик и, не читая сказки, не знает, что нужно найти каморку папы Карло, а уж там за нарисованным на холсте очагом...

Сергей тоже был чем-то озабочен и не хотел говорить. Илья догадался, что его друг собирается допросить живущую в котельной Марину, но ему отчего-то было безразлично это. Ему было безразлично все. Только один раз, когда они спускались под пол гаража, Сергей процедил сквозь зубы:

– Теперь пусть только попробует не сказать...

Ход, ведущий из-под гаража в котельную, был темным и узким, он представлял из себя узкую трубу с редкими ступенями, кроме того, с тремя поворотами; и в темноте Илья боялся, что ползущий впереди Сергей наступит ему на руку.

Наконец Сергей что-то отодвинул впереди, и Илья вслед за ним выбрался в помещение. Это оказалась небольшая комнатка с двумя дверями, одна дверь была чуть приоткрыта, и там горел свет, другая была открыта настежь. В большом помещении возле котлов за столом сидел тот самый в первый раз так нахально не пустивший их оператор и кривым ножом что-то делал с деревянной кукольной головой. Тут же на столе лежали кукольные запчасти: руки, колесики и пружинки...

Кукольный мастер ничуть не удивился незваным гостям, выползающим из-под земли. Он только мельком взглянул в их сторону и продолжал свое дело.

– Мы, что характерно, никому здесь не нужны, – сказал Сергей, отряхивая колени, и, состроив нахальную улыбочку, направился напрямиком к кукольнику. Но, попутно заглянув во вторую приоткрытую дверь, остановился.

– Вот нам куда.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел. Илья вошел следом.

В маленькой комнатке с небольшим оконцем, на старенькой кровати вверх покрывала, в халате лежала Марина собственной персоной и читала любовный роман.

– Ну это уже нахальство: к честной девушке врывать! – оторвавшись от романа, воскликнула она капризным тоном.

Сергей бесцеремонно уселся на кровать в ногах Марины.

– Ну что, говорить будешь? Или опять, что характерно, врать?

Он не глядел на севшую на другой конец кровати Марину. Илья, так и не нашедший себе места, стоял возле двери, привалившись плечом к крохотному бельевому шкафу. В маленькой комнате, кроме шкафа и кровати, ничего не имелось – настолько она была мала.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – в своей обычной манере заговорила Марина.

– Хватит прикидываться дурочкой, – прервал ее Сергей. – Где твоя мать?

– Умерла.

– Твоя мать в психиатрической клинике. И не просто в психушке, а в психушке, где содержат особых больных. Сказать, почему она там?

– Она не убивала, – мрачно глядя в пол, проговорила Марина.

– А вот следствие показало, что именно она убила двух человек...

– Она не убивала, – упрямо повторила Марина.

В комнате наступила тишина. Кажется, никто не хотел говорить.

– Возможно, она явилась причиной смерти моего отца, – наконец негромко проговорил Сергей. – Только теперь она этого не скажет...

– Она любила твоего отца.

Марина все так же мрачно глядела в пол.

Несколько минут молчали.

– Она не убивала, ее подставили... – снова повторяла Марина.

– Она не убивала, ее подставили... – вдруг слово в слово повторил мерзкий, писклявый голос.

Все посмотрели на дверь. Из-за косяка выглядывала противная, скалящаяся в улыбке физиономия куклы.

– Она не убивала, – так же мерзко повторила кукла, и вслед за этим в дверях, держа куклу в руке, появился кукловод.

Глава 6

КТО ЖЕ УБИЛ?

– Она не убивала, – повторил бородатый кукловод уже своим нормальным голосом. Его своеобразное появление уже во второй раз произвело на Сергея с Ильей сильное впечатление.

– Дядя Боря, скажи им! – воскликнула Марина. – Скажи им, что все это вранье!..

– Да, конечно вранье. Верочка в сущности была очень добрая, клопа не обидит, – сказал бородатый кукольник. Должно быть, у него не было переднего зуба, и он слегка присвистывал при разговоре. – Ее, безусловно, подставили.

– Кто? – спросил Сергей.

– Сначала это имело значение. Теперь уже нет. Разум ее не вернешь.

– Это для вас не имеет значения. А я хочу знать, кто виновен в смерти моего отца.

– Лично я уверен в том, что ни Марина, ни ее мать не имеют к этому никакого отношения.

Вдруг обвисшая кукла в его руках повернула голову к Сергею.

– А почему ты думаешь, что он умер? – спросила кукла мерзким голосом.

Это, конечно, спросил державший ее в руках мужик, но говорил он, не шевеля губами; видно, он был мастером чревовещания, и создавалась очень сильная иллюзия, что это кукла неожиданно и нахально встряла в человеческий разговор. Сергей посмотрел на нее, как на члена общества.

– То есть как?

– А вот так, – сказал кукольник.

– Трупа-то его никто не видел, – мерзко добавила кукла.

– Что вы знаете об этом? – мрачно спросил Сергей.

– А ничего, – сказал кукольник.

– А ничего не знаем, – мерзко пропищала кукла.

– Я хочу напомнить, что речь идет о моем отце, – медленно с расстановкой заговорил Сергей. – И шутить на эту тему я не склонен и никому шутить не советую... – в его голосе звучали металлические нотки. – И я не остановлюсь ни перед чем...

– Дядя Боря, скажи ты ему! – воскликнула Марина. – Скажи.

Взгляд стоявшего возле шкафа Ильи нечаянно упал на окно. В незашторенное оконце комнаты глядела перекошенная физиономия, расплывшись о стекло, она представляла из себя неприятное зрелище. Окно было видно только Илье и кукольнику – Сергей с Мариной сидели к нему спиной.

– Смотрите! – воскликнул Илья.

Сергей резко обернулся.

С другой стороны окна раздался грохот, визг, хохот... В стекло забарабанили, физиономия исчезла.

– Ребятишки балуются, – пояснил кукольник.

– Противное пацанье, всем им уши оборвать нужно, – высказала свое мнение кукла с мерзкой мертвой улыбкой.

– Я сказать могу, мне нетрудно, – проговорил кукольник.

– А тетя Вера? – спросила кукла, посмотрев на кукольника.

– Только ты должен помнить, что стало с Верочкой, которая попыталась разобраться...

Ведь она любила твоего отца.

– А вы-то сам кто? – спросил Сергей.

– А я любил Верочку, мы были одноклассниками. Но теперь это не имеет значения.

– Хорошо же вы ее любили, коли не попытались найти тех, кто виновен в ее безумии.

– Она сама пыталась. И вот что из этого вышло.

– Теперь тетю Веру лечат, – подала свой мерзкий голос кукла.

Она действительно уже воспринималась как член общества, и это никого не удивляло и не раздражало.

– Если честно, я не вижу смысла искать виновных в ее безумии.

– А почему вы сомневаетесь в том, что отец мой умер?

– Я не сомневаюсь. Я предполагаю, – ответил кукольник. – Но если ты хочешь попробовать разобраться в этом, то я могу тебе дать адреса...

Снова в окно забарабанили, захохотали, кто-то бросил горсть мокрой грязи; и она, от удара разбрызгавшись, медленно, неторопливо сползла по стеклу.

– Противные дети, ненавижу детей, – сказала кукла.

– Что-то они сегодня совсем распоясались.

Марина с испугом поглядела на грязное стекло.

Но снова по ту сторону стены все стихло. Кукольник своими выпученными глазами молча и настороженно смотрел на окно.

– Так, что за адреса? – напомнил Сергей.

– Не давай ему, – сказала кукла, повернув голову к кукольнику. – Ему же лучше будет.

– Слышал? – сказал кукольник.

– Хуже будет им, когда я до них, что характерно, доберусь.

Но тут, словно в ответ на слова Сергея, за стенами котельной завизжали и забили по стенам; где-то в большом помещении, где стояли котлы, зазвенело разбитое стекло, несколько комьев грязи влетели в котельную.

– Да что же это... – досадливо проговорил кукольник. – Это уж они чересчур разыгрались.

Он повернулся, собираясь выйти из помещения.

– Нет, подождите, – остановил его Сергей, вставая с кровати. – Сначала адреса.

Из другого помещения доносился визг и шум, грохотали по окнам... Кукольник, не обращая внимания на слова Сергея, сделал шаг в котельную. Но Сергей положил ему руку на плечо и сильным решительным движением повернул к себе. Кукольник попробовал вырваться, но не тут-то было – сладить с Сергеем оказалось непросто.

– Адреса!.. – сквозь зубы процедил Сергей с каким-то особенным выражением, отчего у Ильи по спине поползли мурашки.

– Ладно, – сдался кукольник. – Пиши, только быстро. Хорошо, у меня память хорошая, все адреса помню.

Марина протянула лист бумаги и ручку.

– Эти люди были свидетелями по тем двум убийствам, и все трое переменили свои показания, после чего Верочку обвинили. Не дождавшись пересмотра дела, она сошла с ума. Больше я ничего не знаю. Ну давай, пиши быстро...

Кукольник ежесекундно оборачивался в котельную, откуда слышался шум и вопли, как будто кто-то пытался не допустить, чтобы он разговаривал с Сергеем.

– Мапочка, как страшно... – проговорила Марина, с ногами забравшись на кровать и забившись в угол подальше от окна.

Кукольник продиктовал адреса переменявших показания свидетелей, их фамилии и имена, а сам поторопился в помещение, где располагались котлы.

– Ай, мерзавцы! Ай, гнусы!! – вдруг ожила и мерзко закричала в его руках кукла.

– Мапочка, что же это такое... – причитала испуганная Марина.

Илье тоже было как-то не по себе. Один Сергей казался довольным. Он спрятал адреса во внутренний карман куртки.

– Часто тут детишки, что характерно, балуются? – спросил он Марину.

– Такое впервые. Стучат в окна, это бывает, но стекла не били ни разу, языки показывают... Но такое!

– Ну-ка, слезь, поганец! – послышался из котельной окрик кукольника.

И тут же что-то грохнуло и зазвенело. Сергей с Ильей вышли посмотреть. Кукольник стоял в центре зала спиной к котлам и смотрел куда-то вверх, забытая кукла обвисла в его руке и лежала ногами на цементном полу.

– Он вон там полз, паренек совсем небольшой. Как он туда забрался, не пойму! – он указал под потолок котельной. – Я ему крикнул, чтобы он слез, а он в меня вот этим кирпичом запустил. – Кукольник изумленно посмотрел на обломок кирпича, которым при удачном попадании можно в два счета проломить голову.

– Ведь буквально в миллиметре от виска моего пролетел, – продолжал изумляться кукольник. – Что за дети!? Ведь он бы меня убил...

– Дядя Боря, мне одной страшно. – прибежала Марина. – Вон и там стекло разбили, – показала она пальцем.

– Да стекло-то, черт с ним, – сказал кукольник. – Меня вон чуть кирпичом не убили.

Он обвел выпученными глазами большие окна котельной и вдруг в сердцах топнул ногой в пол.

– Ведь поклялся никогда в это дело не соваться! Верочка рассудка лишилась! Я-то что?!

Он со злостью посмотрел на Сергея.

– Да ладно, не бойся, что характерно. Мнительный ты.

– Брось, дядя Боря, – обняла за плечи расстроенного кукольника Марина – Это совпадение. Не думаешь же ты, что этот мальчишка в тебя кирпичом запустил из-за того, что ты адреса дал... Нужно в милицию на хулиганов заявление написать.

Кукольника слова Марины как будто убедили, он взял себя в руки.

– Детишки в окна заглядывают, в дверь звонят, хохочут... знают, что я тут куклы делаю, – им интересно. Я особо-то их тоже не ругал... Но такое, чтобы стекла били, впервые.

– Зря ты им адрес сказал, – ожила в его руках кукла.

И снова эта поразительная чревоушательная способность кукольника: говорить, не открывая рта, – поразила Илью.

– Вот я и подумал, может, с этим делом связано. Но нет, он уже не вернется. Ты, Сергей, учти, – понизил вдруг голос почти до шепота кукольник. – Дело это опасное, потому что, если он вернется... – Кукольник остановился, мгновение помедлил. – Да нет, он не вернется никогда... Но все равно будь осторожен.

– Кто вернется? – спросила стоявшая тут же Марина.

– Кто-кто, дед Пихто, – неожиданно возникла между ними кукла с уродским оскалом.

– Да нет, он не вернется. Через столько лет... – с каким-то сомнением проговорил он, как бы ни к кому не обращаясь. – Никогда не вернется... – уже уверенно сказал он.

Кукольник сел за стол, на котором были разложены кукольные запчасти, и принялся за работу, больше не обращая на гостей внимания.

– А ты, значит, здесь живешь? – спросил Сергей Марину.

– Пока что здесь, я со своим дружком рассталась, – повела плечами Марина.

Симпатичная она была девица и жестами такими будила внутри что-то животное...

– А дружок у тебя Туз был? – спросил Илья.

Марина смутилась.

– Туз – это который спящего Китайца от Малюты прятал? – поинтересовался Сергей.

– Не знаю я никакого Туза! Что вы от честной девушки хотите?! – взяла свой обычный тон Марина.

– Да ладно, нам-то на это дело начхать. Живи ты с кем хочешь. Но если твой дядя Боря адреса напугал, я вернусь, и мы поговорим без свидетелей, что характерно.

Хотя Сергей и был ниже рослой Марины, но, несмотря на это, выглядел значительно больше.

– Ну, пошли, Илья. Ты когда в душ лазаешь, свет не забывай выключать, – погрозил он Марине пальцем. – А-то я лаз этот забью, к едрене фене.

Увлеченный работой кукольник что-то шептал тихонько себе под нос и не повернул голову в их сторону. Сейчас он напоминал какого-то сказочного кудесника, колдующего над новым гомункулосом.

Сергей уже вышел во двор, Илья тоже сделал шаг к двери, но Марина вдруг схватила его под руку, крепко прижалась к его боку своим крепким телом, явственно ощутимым сквозь ткань тоненького халата, так что сразу вогнула Илью в краску, и жарко зашептала в ухо:

– Я должна сказать тебе, Илья, очень важную вещь. Я могу только тебе сказать, это касается тебя и твоего друга. Вопрос жизни и смерти. Слышишь? Приходи сегодня в восемь вечера сюда. Обязательно приходи. Это очень важно... Но умоляю тебя, не говори никому.

Все это она проговорила скороговоркой, чтобы Сергей чего-нибудь не заподозрил. Поэтому Илья вышел немного ошалевшим, сквозь приятные ощущения пытаясь осознать смысл ее слов.

Сергей, озабоченный, стоял возле машины. Стекла были вымазаны грязью. Невдалеке девочка в осеннем пальтишке и в платочке скакала через скакалку. Рядом мальчик такого же возраста, сидя на корточках, возил по грязи игрушечный грузовик.

– Вж-ж-ж-ж!..

Сергей подозрительно посмотрел в их сторону.

– Эй, девочка! Эй! – позвал он.

Девочка, не обращая внимания, продолжала скакать.

– Девочка! – снова позвал он.

Она перестала скакать. И вполоборота нехотя повернулась к Сергею.

– Девочка, ты не видела, кто машину мне запачкал?

– Нет, дядя, я только что вышла, – ответила она и снова начала прыгать через скакалку.

– Ж-ж-ж-ж... – увлеченно, не обращая ни на кого внимания, вел мальчик грузовик на кучу грязи. – Вж-ж-ж-ж...

Сергей махнул рукой, поняв, что от малолеток ничего не добиться, открыл багажник и, достав тряпку, стал протирать стекла. Мелкая пакость не доставила ему сильного огорчения. Он насвистывал какую-то мелодию и неторопливо, старательно тер стекла машины.

– Самое главное – хорошо потрясти свидетелей, – говорил он, отряхивая тряпку. – Начнем завтра.

– Ты думаешь, у них удастся что-нибудь узнать?

– Если им есть что мне сказать, то удастся. Свидетели свои показания так скоро не меняют. Только под давлением. Вот и узнаем, кто давил. Потом на него сами надавим...

Сергей открыл багажник, бросил туда тряпку.

– Ну, а если не скажут?..

Илья, все еще находясь под впечатлением разговора с Мариной, был рассеян, одновременно гадая, что Марина хочет ему сказать.

Илья вдруг насторожился. Какое-то странное ни на что не похожее ощущение тревоги и того, что на него кто-то смотрит, заставило оглянуться. И тут он заметил, что девочка не скачет, мальчик на корточках уже не возит по грязи свой автомобиль, что они, замерев и затаив дыхание, изо всех сил вслушиваются в их разговор. Но это было замечено боковым зрением в какое-то мгновение... Когда же он повернулся в их сторону, девочка уже прыгала через скакалку...

– Вж-ж-ж... – преодолевал навалы грязи смелый водитель грузовика.

Маленьким детям не было дела до взрослых разговоров: у каждого из них имелись свои, более важные, детские дела.

Хотя было еще пять часов, но начинало смеркаться.

Уже при подъезде к дому Сергей с Ильей увидели из машины Басурмана. Он шел себе по улице, внимательно озираясь по сторонам.

– Куда это он, – хмыкнул Илья.

– А фиг его знает, он в последнее время какой-то загадочный ходит.

Сергей притормозил, подъехал к поребрику, Илья открыл перед Басурманом переднюю дверцу. Этот, в общем-то, безобидный маневр почему-то жутко перепугал Басурмана. С громким криком: «Как куча мала!» – он бросился к стене и молниеносно выхватил из кармана что-то очень похожее на пистолет. Во всяком случае, так в сумерках и суматохе встречи показалось Илье. Он, уже собравшийся было вылезти для радостной встречи жениха бывшей жены, увидев огнестрельное оружие, вылезать сразу передумал.

– Похоже, это не наш Басурман, – сказал он, повернувшись к Сергею.

– А вон и второй, – сказал Сергей, показывая на человека, бегущего через улицу. Направлялся он явно на помощь прижатому к стене близнецу.

– Сколько же их?.. – проговорил Илья и, повернувшись к первому Басурману, все так же через открытую дверцу сказал:

– Извините, ошиблись.

– Какача муна, – ответил на это чужой Басурман, принимая извинения и пряча оружие в карман.

Басурманы начали о чем-то эмоционально, размахивая руками, разговаривать. Но друзья не стали слушать незнакомую речь, а, проехав немного, повернули во двор.

– Ну и дела, – усмехнулся Сергей. – Расскажу Карине, ни за что не поверит.

Хотя на улице было уже темно (свет на лестнице еще не включили), но поднимавшийся первым Илья увидел сверток под звонком возле двери, и у него сразу испортилось настроение.

– Опять головы? – спросил Сергей.

Илья отогнул краешек газеты.

– Три головы, – проговорил он чуть слышно. – Значит, осталось у меня три дня.

– Почему у тебя? Они ведь под моей дверью лежат.

– Это мне предупреждение, – печально сказал Илья.

Они вместе спустились к помойке, и Илья бросил сверток с головами в бак.

Карина ждала их с давно простывшим обедом.

– Где вас носит, мои милые?! – встретила она Илью с Сергеем. – Второй день, едрена вошь, без обеда. Этак, Илюша, у тебя, между нами, мальчиками, говоря, потенция исчезнет к едрене фене. А без потенции ты...

– Мне кто-нибудь звонил? – перебил Илья.

– Кто-нибудь в ортопедическом ботинке? – издевательски уточнила Карина. – Звонил.

Раздевшись, Илья сразу прошел в маленькую комнату, где был телефон. Когда он вошел, ему почудилось, что какая-то тень мелькнула за окном, но он не придавал этому значения.

Жанна оказалась на месте, она сообщила, что ей необходимо вылететь в Москву и, возможно, несколько дней ее не будет в городе. Дальнейший их разговор носил исключительно личный характер.

Когда Илья пришел в кухню, обед был уже на столе.

– А ты, Илья, тоже подумал, что у тебя в глазах двоится, когда двух Басурманов увидел? – усмехнулась Карина.

Басурман, сидевший на своей излюбленной табуреточке в углу, только хлопал большими, как у красавицы, глазами и не понимал, почему его упоминают так часто.

– А вообще-то он загадочный в последнее время сделался, письма пишет... я думаю, из-за горбуна.

– А где горбун, кстати, что-то его не видно сегодня, – Сергей оглянулся.

– Да бегаёт где-то, придурок лагерный. Думаешь, я его спровадила. Да нет, носится где-то здесь.

И точно, горбун вынырнул из-под стола и вышел в прихожую.

– Вон он, недоделанный, гоняется...

Она хотела ещё что-то сказать, но телефонный звонок прервал её. Карина вышла в прихожую, но скоро вернулась в кухню.

– Тебя, Сергуня, – как-то растерянно сказала она, тюжав плечами. – Станный голос какой-то...

– Да, я слушаю.

В трубке молчание, только потрескивал эфир; откуда-то издали доносились неясные голоса и тихо, еле-еле слышно рэглайм Гершвина «Лунная ночь».

– Я слушаю... – повторил Сергей.

– Оставь это, сынок, – раздался в трубке мерзкий, каркающий голос.

Он был не человеческий, не искусственный, в нём не имелось ничего угрожающего – сразу становилось понятно, что кто-то коверкал голос, но мурашки отчего-то бежали по телу и на спине появлялся жутковатый холодок. Хотя Сергея было трудно напугать, но даже ему сделалось немного не по себе.

– Оставь, – помолчав, с расстановкой продолжал он каркать. – Не беспокой мертвых...

– С кем имею удовольствие разговаривать? – перебил Сергей.

– Это дело тебе не по зубам. Ты навлечешь беду на других людей. И если кто-нибудь умрет, знай – это из-за тебя.

– Учти, шутник, я доберусь до тебя. И услышу твой настоящий голос, и он будет умоляющим...

– Тогда поговорим в другом мире...

Раздались короткие гудки, Сергей повесил трубку.

– Кто это с таким голосом вороним? – спросила Карина, когда Сергей вернулся в кухню.

– Детишки балуются, – ответил он и улыбнулся.

Было семь часов вечера, когда Илья собрался уходить. На улице шел мелкий дождь.

– Мне тут по делу съездить нужно, – сказал Илья, заходя в кухню, где Сергей уже целый час старался расшифровать и систематизировать магнитофонные записи рассказов горбуна.

Сергей выключил магнитофон и некоторое время смотрел на Илью в явном недоумении, потом глубоко вздохнул.

– Ты знаешь, у меня от этого бреда, что характерно, крыша едет. Когда записывал – ничего, не вникал, а сейчас дурнота и в коленях покалывает.

– Ты насчет бреда этого придурка? – в кухню вошла Карина – Я тебе скажу, у меня от этой его фигни... Того – шарики за ролики заходят. А Басурман, вон, опять в комнате его слушает – не оторвать. Раньше такой тихий гвинеец был, а теперь возгорел сексуальной страстью. Я ему еще фингал поставлю, скоро...

– Я пойду, мне по делам нужно, – найдя в болтовне Карины щель, вставил Илья.

– Ну как же, как же – сходи, милый. Там тебе фингал не поставят. Но дадут когда-нибудь под зад кованым ортопедическим сапогом, так что ты все ступени пересчитаешь...

Сначала Илья хотел сказать Сергею о том, куда и зачем идет. Но сейчас бывшая жена отбила охоту, и он передумал.

– Я приду часа через три, – сказал Илья уже из прихожей. – А если не приду, позвоню обязательно.

Сергей кивнул и, включив магнитофон, углубился в прослушивание записей. И снова кружилась голова, покалывало в коленках...

Глава 7

СТРАСТНАЯ ЖЕНЩИНА

Когда Илья вышел из дома, уже стемнело. Он не торопясь направился к метро. Идти было недалеко, нужно было только в конце улицы свернуть на Московский проспект, а там прямо – минут пять ходьбы.

Что хотела поведать ему Марина и почему втайне от Сергея? Сейчас Илья уже сожалел, что не сказал другу, куда и зачем идет. А если это ловушка?.. Хотя с какой стати, какой в нем интерес?! А может, она имеет ко мне интерес как к мужчине?..

От промелькнувшей мысли ему стало приятно и хорошо, он даже расправил плечи.

Прохожих было немного. С Московского вывернул мужчина, несмотря на промозглый осенний холод, на нем был только черный костюм. Илья мельком бросил на него взгляд и хотел пройти мимо.

– Илью-у-у... – вдруг зарычал прохожий и, расставив руки, бросился на Илью.

Движение его было неожиданным, и не готовый к такой жаркой встрече Илья не успел ничего предпринять, как оказался в объятиях незнакомца. Тут же перехватило дыхание, Илья хотел закричать, но не мог, из горла вырвалось лишь хрипение. Хватка у мужика была мертвая. Илья не успел опомниться, как оказался во дворе-колодце. Ужас обуял его.

– По-мо-ги-те!!! – изо всех сил заорал он, и эхо двора усилило, растиражировало этот вопль.

Он отчаянно рвался из тесных объятий, бил, пинал бесцеремонного похитителя куда попало, но тот тащил его, не отвечая на грубость. Илья закричал снова и снова...

– Вот нажрались, стервецы, – тая застарелую злобу, сказала женщина с измученным тяжестью жизни лицом, выходя из двора.

Мужик, как кулек, занес его в какую-то парадную и стал спускаться вниз по лестнице.

«В подвал! – пронеслось в голове. – Насильник какой-нибудь!»

Илья рванулся с утроенной силой, но тщетно, объятия были словно металлические обручи. Мужик, которого Илье так и не удалось разглядеть, пихнул дверь подвала телом Ильи, но та оказалась запертой. Он снова двинул Илью в дверь. Не произнося ни звука, только сопя носом, он бил телом Ильи в закрытую дверь, как неодушевленным предметом. От боли, страха Илья кричал и был в состоянии, близком к потере сознания: воздуха не хватало, кружилась голова...

Наконец до тупых мозгов мужика дошло, что Илью дверь не проломить. Он поставил Илью в сторонку, а сам повернулся к неподдающейся двери и ударил ее рукой, раздался страшный грохот. Он действительно обращался с Илью, как с вещью, предметом неодушевленным, а Илья действительно был одушевлен сейчас только наполовину, столь сильное впечатление произвело на него бесцеремонное похищение. Он стоял в темноте, привалившись спиной к стене, и глубоко дышал. Дикая грохот, поднявшийся от того, что мужик не переставая колотил в дверь, отрезвил Илью.

«Господи! Да что же я стою?! Ведь надо бежать, бежать!!!» – Он полными страха глазами посмотрел на молчаливого похитителя, без передышки дубасившего дверь. Вздохнул поглубже и, набравшись смелости, изо всех сил рванул вверх по лестнице...

Сзади, вдогонку ему несся грохот мощных ударов в дверь подвала. Похоже, детина даже не заметил побега Ильи.

Ничего не соображая, стараясь только как можно скорее убежать подальше от похитившего его мужика, Илья выскочил на улицу. Впопыхах повернул не в сторону дома Сергея, а в другую, выскочил на Московский и, пробежав еще немного, перешел на шаг. Кругом были люди и бегущий сломя голову человек выглядел странно. Илье не хотелось привлекать к себе

внимания. Он торопливо шагал по проспекту, часто оглядываясь назад – не преследует ли его странный здоровенный тип. Что это за тип? Чего ему было нужно от Ильи?.. Много вопросов теснилось в его разгоряченной голове. Он вспомнил рассказ Карины о трансформере, который ворвался в их отсутствие в квартиру и искал Илью. Она еще назвала его Трансом. Пожалуй, угрюмому, молчаливому мужику, словно бы находящемуся в трансе, это имя очень даже подходило. Но что ему нужно от Ильи?!.. Ведь Илья даже не успел как следует разглядеть его внешность – так неожиданно и бесцеремонно Транс схватил и поволок... Ну и передрейфил Илья. А руки у него холоднющие... Бр-р-р-р...

На освещенном фонарями, полном народу проспекте Илья почувствовал облегчение. Во всяком случае, здесь напасть он не рискнет.

Через каждые пять шагов Илья оглядывался, но проезжавшие автомобили слепили фарами. Иногда, правда, Илье чудился вдалеке на мостовой кряжистый силуэт Транса, но, должно быть, это только казалось в призрачном уличном освещении.

Илья вдруг остановился, огляделся по сторонам, оказалось, что в горячке он проскочил мимо здания метрополитена, находящегося на другой стороне Московского. Илья дошел до светофора и, перейдя проспект, отправился в обратный путь. В то же время он подозрительно приглядывался к прохожим.

«Пойду-ка я, пожалуй, домой, – попутно думал он, держась ближе к домам. – Завтра к Марине схожу».

Задумавшись, Илья столкнулся с каким-то мужчиной, отступил и, когда бросил взгляд на противоположную сторону проспекта, вздрогнул и кинулся в сторону, прижался спиной к стене дома.

По другой стороне Московского, прямо глядя перед собой и широко размахивая руками, шел Транс. Прохожие сторонились, пропуская странного мужчину, а он, казалось, никого не замечая, двигался к видимой только ему цели.

Прижавшись к стене, Илья в ужасе следил за проходящим Трансом. В полумраке проспекта ему удалось слиться с серой стеной дома... Транс уже прошел мимо, Илья был в безопасности, но напряженные нервы не выдержали. Он вышел из тени стены и побежал.

Транс заметил движение на другой стороне, повернулся...

Оглядываясь, Илья бежал во всю мочь... Сзади него визжали шины автомобилей, это Транс через проспект пустился вдогонку за Ильей. Вдруг раздался пронзительный женский визг и за ним глухой удар. Илья оглянулся. Транс уже почти достиг тротуара, как неожиданно из-за автобуса на большой скорости выскочили «жигули». Водитель не успел даже притормозить...

Тело Транса мощным ударом подбросило, перекувырнуло в воздухе и швырнуло на мостовую, так что чуть не зашибло ползущего по асфальту инвалида без ног.

Илья остановил свой панический бег, следя, как вокруг лежащего на асфальте Транса начал собираться народ. Он глядел за этим издали, не решаясь подойти. Толпа росла, и вдруг люди, стоявшие вокруг потерпевшего, расступились, и Илья увидел живого и невредимого Транса. Он стоял посреди толпы и смотрел прямо на Илью...

Илья повернулся и побежал. Он мчался по улице, не зная, бежит ли за ним Транс. Он больше не оглядывался, он мчался по асфальту, потом по мокрой дорожке сада и снова уже по безлюдным, узким улочкам города... Лишь бы убежать, лишь бы этот жуткий монстр не догнал его. Илья успел вскочить в последнюю дверь трамвая и только здесь, в изнеможении опустившись на сиденье, отдышался. Пот струился по лицу, рубашка была совершенно мокрая, он глядел по сторонам выпученными, ошалевшими глазами. Илья не знал, куда идет трамвай, – ему это было безразлично, лишь бы он побыстрее и подальше увез его от этого страшного человека. Что он хочет от Ильи? Возможно, подземный народ чудь послал этого монстра, чтобы убить Илью. Ведь он единственный, кто вынес из-под земли тайну этого древнего народа. Ведь

все, кто возвращался от них, сейчас безумны, и только один Илья пока остался жив и здоров. Он один, больше никого...

Илья потер бок, которым Транс вышибал дверь подвала. Если он послан чуждо, чтобы убить его, то почему Транс попросту не придушил его в железных своих объятиях, или, быть может, велено доставить его живым, чтобы стереть память. Нет уж! Илья сыт этими экспериментами по горло! Он больше им не дастся. При воспоминании о тупом и упорном Трансе Илью начинало трясти.

Он ехал по вечернему городу, глядя в окно, и размышляя о своей плачевной судьбе. Кажется, еще не было дня, чтобы за Ильей кто-нибудь не охотился. Теперь вот Транс...

– Вагон следует в парк Блохина, – сквозь хрипы трансляции донесся до Ильи голос вагонновожатого.

«Значит, нужно выходить. Я же совсем близко от гаража Сергея», – увидев в окно Петропавловскую крепость, подумал Илья.

За время поездки в трамвае он успел отдышаться и прийти в себя. Конечно, после всех этих событий он специально не поехал бы к Марине в котельную. Но раз уж судьба сама занесла его сюда, почему бы и не зайти.

Илья вышел из трамвая и, подозрительно поглядывая по сторонам, направился к дому, во дворе которого рядом с гаражом Сергея располагалась котельная.

На звонок почти сразу открыла Марина.

– Я волновалась. Почему ты так долго? Тут какие-то подозрительные люди ходят, – проговорила она испуганным голосом, пропуская Илью в котельную и закрывая дверь на крюк. – Что это с тобой? Ты что, упал?

Марина остановилась против Ильи, оглядывая его с ног до головы.

– Да упал, – сказал Илья, недовольно отряхивая перепачканную белилами куртку. А он и не заметил впопыхах, в каком замызганном виде бегал по городу.

Он отряхивался старательно, но больше для вида, сам же исподтишка поглядывая на стоявшую перед ним Марину. И неспроста, там было на что посмотреть.

Марина была одета в суперкороткую красную юбку, черные-пречерные колготки обтягивали ее длинные стройные ноги, грудь без бюстгалтера проступала четкими контурами сквозь муть вязаной короткой кофточки.

– Надо же – не отряхивается, – приговаривал Илья, поглядывая на Марину. – Надо же – не отряхивается... – и опять поглядывал...

– Да сними ее, Илья, потом я отчищу, – прервала его Марина, помогая снять куртку, нечаянно задев Илью коленкой в черном. Кровь ударила Илье в лицо от этой нечаянности.

– Так что ты хотела мне сказать? – прокашлявшись, чтобы взять себя в руки, спросил он.

– Ну, может быть, ты пройдешь для начала в комнату, – предположила Марина, растянув накрашенные губы в змеиной ухмылке, и посмотрела на Илью таким распутным взглядом серых глаз, что Илья не нашелся, что ответить.

Марина пошла вперед в свою комнату, расположенную в конце котельной, а Илья, следуя за ней, смотрел на ее плавную походку и думал... Да о чем он мог думать, идя сзади?! Ни о чем он не думал!

– Дядю Борю я отпустила, – сказала Марина, входя в свою крохотную комнатку для одной кровати. – Так что мы с тобой весь вечер одни.

Марина уселась на кровать и закинула ногу на ногу.

«У-у-у!.. – застонал про себя Илья. – Что я скажу Жанне?..»

По литровой бутылке «Синопской» водки и незначительной закуске, украшавшей за неимением стола тумбочку, Илья понял, что разговор будет приятным, но не несущим никакой информации. И все же он сделал последнюю слабую попытку выкрутиться из щекотливого положения.

– Ты знаешь, у меня еще дела сегодня, – начал врать он, стараясь придать своему голосу бодрость, а словам – правдоподобие. – Что ты хотела мне рассказать?

– Слушай, Илюша, я женщина честная и не зря пригласила тебя сегодня, но мне сначала нужно выпить, понимаешь, я так не могу.

Бутылка была уже открыта и даже в рюмки заранее налито.

– Ну давай, за знакомство.

«Нет, нельзя пить, что-то здесь не так, – пронеслось в голове. – Только пригубить... – Но, бросив взгляд на Маринины ноги, четко очерченную грудь, мысленно махнул рукой... – Ай, теперь уж все равно...»

И выпил рюмку до дна.

Запах ее духов дурманил голову не меньше алкоголя. Илья расслабился, ему стало приятно и хорошо жить; мир сделался светлым и радостным, кроме того, с такой красивой женщиной можно, пожалуй...

– Ну, теперь давай по-звягински, – сказала Марина, наливая по следующей стопке.

– По какому?

– По-звягински. Был у меня такой знакомый писатель, так он говорил... не помню что, но главное – не нужно промежутков между первыми рюмками делать. Понял?

– Понял, – кивнул Илья и налил по следующей рюмке.

– А на брудершафт пить будем? – спросил он после второй.

После выпитого он чувствовал какую-то муть в сознании. Было это ощущение ему странно, словно он выпил не две, а целых десять рюмок: его потянуло на разговоры, на откровенность...

Не ожидая от себя такой наглости, он положил руку на коленку Марины и начал рассказывать ей о своей юности, проведенной в Новгороде, девчонке, с которой в первый раз целовался, о первой сигарете, выкуренной в пятом классе...

Марина налила еще, дала Илье закурить, закурила сама – крохотное помещение тут же наполнилось дымом. От дыма Илья совсем забалдел, ему хотелось *все* рассказать этой красивой женщине.

– Выходит, ты и с Малютой знаком был? – вдруг ни с того ни с сего спросила Марина, хотя про Малюту Илья ни разу и не обмолвился.

– О! Еще как знаком. Теперь он в дурдоме.

– Ну да?! – удивилась Марина.

– Точно, в дурке. Я его видел последний раз, когда мы выкрадывали из психушки шизика-горбуна.

Илья пьяно ухмыльнулся.

– А зачем вам шизик? Ты не подумай, что я интересуюсь, – мне-то все равно, можешь не говорить.

– О! Шизик этот не простой, – Илья приложил палец к губам. – Он знает такое, за что Китаец отдал бы половину своей империи...

И Илья, сбиваясь, заплетающимся языком рассказал Марине, чем знаменит горбатый шизик, как свихнули Малюту, как Китаец подбрасывал им по частям расчлененных братьев, о психотронном оружии, которым владеет подземная чужь...

Марина оказалась благодарной слушательницей. Она иногда подливала водочки Илье, который пьянел с каждой выпитой рюмкой все больше и больше... Но сама Марина в отличие от ее кавалера не пьянела, хотя и пила наравне с Ильей. Илья сбивался на воспоминания детства, но Марина вновь наводила его на нужную мысль, и ухабистая речь его текла в нужном ей направлении. А за ногу, обтянутую черными колготками, Илья держался уже не с первоначальным удовольствием и надеждой, а чтобы не упасть. В его состоянии это могло случиться в любую минуту.

Уже в час ночи, когда Марина, как ей казалось, выудила у словоохотливого Ильи всю нужную ей информацию, она налила еще по рюмке водки, не таясь всыпала в рюмку Ильи какой-то белый порошок.

– Чего это ты насыпала? – хотя и был в сильном опьянении, но заметил Илья.

– Витамин С, – сказала Марина, цокнув языком и взъерошив Илье волосы. – Пей, дурачок.

– Я не дурачок... но выпью.

Илья залпом опрокинул в рот рюмку и поморщился:

– Какая гадость этот витамин.

– Сейчас, дружок, посиди здесь, мне позвонить нужно.

– Я провожу, – сказал Илья, попытался подняться, но у него это не получилось: ноги не слушались, в голове был туман, с каждой минутой густевший все больше.

Дальнейшие действия Марины можно было назвать странными. Она вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Застекленный закуток напротив котлов – рабочее место оператора котельной – уместил в себе диван и стол, заваленный кукольными принадлежностями. Марина набрала номер из двух цифр.

– Это милиция?! Вы знаете, у нас тут во дворе женщина кричит. Ну так кричит, бедная! И мужик какой-то на нее нападает. По-моему он хочет ее изнасиловать. Ну так кричит! А?!. Что вы говорите?!. Адрес?..

Марина назвала адрес и повесила трубку, потом без жалости к вещи порвала на себе кофту, так что стала видна большая часть ее немалой груди, попыталась разорвать колготки, но ей не удалось; тогда она взяла со стола ножницы и сделала в нескольких местах надрезы.

– Ну теперь вроде ничего, – придиричиво осмотрев себя в зеркало, проговорила она, потом легла на цементный пол и прокатилась по нему туда-сюда. Хотела ударить себя кулаком в лицо, но пожалела, только прикусила до крови губу, размазала по лицу помаду и снова осмотрела свой ставший плачевным вид.

– Теперь совсем хорошо...

Довольная Марина направилась в комнату, но что-то остановило ее у самой почти двери, и она вернулась к зеркалу.

– Вот же, чуть не забыла. – Растрепала что есть силы волосы, вытащила одну прядь из-под заколки. – Вот теперь все.

Илья спал. Марина набросилась на него с тумаками, отхлестала по лицу, расцарапала лоб. Но Илья был в бессознательном состоянии, он отмахивался руками, сквозь сон бурчал что-то... Марина закинула руку Ильи себе на плечи и, подзадоривая ударами и тычками в корпус, потащила к двери котельной. Илья, с трудом переставляя ноги, повиновался.

– Иди, сволочь! – подбадривала его девушка.

Парочка ободранных и грязных людей представляла странное зрелище. Марина надела на Илью его куртку. Вытащив его во двор, подвела к гаражу Сергея и, завалив в самый угол, улеглась рядом.

Потом она кричала, страстно прижимая к себе спящего Илью, звала на помощь и, лежа на холодной земле, чуть не простудилась, потому что милиция долго не приезжала. Она даже подумывала пойти позвонить вторично. Наконец машина приехала. Спящего Илью, пиная сапогами, погрузили в «воронок». В машине поехала и пострадавшая Марина – писать заявление о попытке изнасилования.

В похабных подробностях описав, как все было «на самом деле», Марина отправилась домой. Игривые менты даже подвезли на автомобиле, а Илью заперли в камере предварительного заключения. По российскому законодательству ему грозил срок от трех до семи лет лишения свободы.

Марина была довольна. Оказавшись в котельной, она переделалась из рванья во все свежее, помылась и нанесла макияж, как будто сейчас же в три часа ночи собралась на прием к губернатору.

После всех приготовлений Марина «села» на телефон и обзвонила около десятка номеров. По всем телефонам она спрашивала, где найти Туза. Везде интересовались, кто она и по какому делу, давали другой номер, и снова повторялось то же самое. Потом у нее взяли номер телефона, и через десять минут Туз позвонил сам.

– Ты жива, крошка? – спросил Туз неторопливым с ленцой голосом.

– Тузик, ты теперь в почете! Когда ты возьмешь меня к себе? Я соскучилась по шикарной жизни, Тузик.

– Ну, как-нибудь, моя дорогая, поживи пока где живешь.

– Нет, Тузик, ты обязан взять меня. Разве это не я прятала с тобой Китайца, не за мной Малюта устроил охоту?! Да у меня сейчас такие сведения имеются!.. Представь, один новгородский дурачок с другом выкрали из дурдома психа, который телепатически связан со своим братом, живущим под землей у чуди. Интересно?..

– Продолжай.

– Нет уж, остальное я расскажу в нашем светлом будущем.

– Я приеду за тобой, мы поговорим подробнее. А новгородского придурка зовут Илья, он у нас в клинике лежал... я знаю, о ком ты говоришь...

Марина прикусила от досады губу и тут же сморщила от боли носик: эту губу она уже прикусывала сегодня.

– Диктуй адрес, я сейчас приеду.

Марина была раздосадована тем, что сказала слишком много. Она собиралась подороже продать эту информацию. Во всяком случае, все равно она выберется из этой нищенской жизни в котельной на подачки бывшего друга ее матери. Ведь она давно привыкла к достойной ее изнеженного тела жизни: к мягкому и теплomu, а не к жесткому и холодному. Кроме того, жить в антисанитарных условиях, засыпать и просыпаться под постоянный гул котлов под одной крышей с придурковатым, выжившим из ума мастером кукол, который все время разговаривает сам с собой на разные голоса, было для нее невыносимо. Малюта, который охотился за Тузом, не пожелавшим убить своего бывшего хозяина Китайца, впавшего в летаргический сон, сведен с ума. Какое счастье! Ведь после того, как люди Малюты вышли на квартиру, где Туз с Мариной прятали спящего Китайца, ей пришлось бежать и скрываться в котельной. Ведь она ночами не спала – боялась, что люди Малюты выследят ее и придушат. Целый год Марина жила в котельной, и вот появляется этот дурачок со своей подружкой, и она узнает, что Малюта в дурдоме. Китаец взорван и главный в городе бандит – ее бывший дружок Туз. Для Марины это было настоящее счастье. Ненависть к лишившему ее покоя Малюте была безгранична, и кукольник дядя Боря научил ее старинному заговору, он знал множество всякий древних штук. Марина сшила куклу в виде Малюты, произнесла заклинание, потом под чутким оком кукольника избила его, с восторгом отрезала ему руки, ноги и потом уже напоследок голову, а после все эти останки поддельного Малюты сожгла в котле.

Это было два года назад, и рассказ Ильи о том, что проклятый Малюта лишь только свихнулся и живет-поживает в дурдоме, разочаровал Марину. Она бы его на мелкие части разорвала – столько крови он ей испортил. И сейчас Марина испытывала радостный, ни с чем не сравнимый восторг. Вновь она возвращалась к привычной легкой и беспечной жизни.

«Ну уж теперь я поживу! Охмурю Туза. Теперь он главный в городе. Устроим свадьбу... Ох, свадьба будет! Никуда не денется, ведь я про него такое знаю!..»

Марина нетерпеливо ходила взад-вперед по котельной мимо котлов, в которых бушевало пламя, иногда потирая ладони с наманикюренными пальчиками.

«Ну, теперь поживу!!»

Телефонный звонок вывел ее из восторженного состояния. Она подбежала к столу, схватила трубку.

– Алло! Слушаю!..

В трубке тишина, только слабое сопение с присвистом.

– Алло! Слушаю!.. Туз, это ты?!

Сопение с присвистом...

– Тузик... Я жду тебя...

Короткие гудки отбоя.

Марина некоторое время сидела, глядя на телефонный аппарат. Радостное ощущение ушло, уступив место тревоге.

– Ошиблись, наверное, – попыталась она успокоить себя.

Никогда она не боялась оставаться одна, наоборот, ей казалось, что только одиночество дает ей безопасность. Но странно, отчего-то сейчас ее взволновал этот звонок. Она не могла определить почему, но в душе все напряглось.

Что-то щелкнуло, заставив Марину вздрогнуть, она посмотрела в другой конец котельной, это включилась автоматика подпитки котлов. Умиротворенно гудели котлы, из насосной слышался монотонный гул работающих двигателей. Все, казалось, было как всегда... Но на душе у Марины не было покоя.

– Тузик, ну скорее, скорее, Тузик... – шептала она, сжимая кулаки.

Зазвонил телефон. Марина вздрогнула, уставившись на аппарат, набравшись смелости, поднесла трубку к *уху*:

– Алло... Я слушаю.

И вновь тишина, сопение с присвистом, как сопят во сне тяжелобольные.

Марина положила трубку.

Следующие минуты прошли для Марины в каком-то оцепенении. Она не понимала, чего она боится. Она просто сидела перед аппаратом, сжав кулаки и вслушиваясь, вслушиваясь в гудение огня в котлах, во все, что производило шум.

– Ну, Тузик, скорее, – иногда шептала она.

Звонок в дверь, которого она так ждала, прозвучал неожиданно.

– Туз! – воскликнула она. – Ну наконец-то!

Марина подбежала к двери.

– Туз, это ты? – спросила она, уже взявшись за крюк.

За дверью было тихо.

– Туз, ты, спрашиваю?!

Марина с тревогой отчего-то оглянулась в котельную, посмотрела в дальний темный угол. Монотонно гудели котлы. Снова повернулась к двери.

– Тузик, ты это, ответь, миленький... – чуть не плача, вопрошала она.

Ей сделалось нестерпимо страшно.

– Ну, Туз!..

– Да я, я... открывай.

– Ну наконец-то! – Вздых облегчения вырвался у нее из груди.

Марина улыбнулась и отбросила крюк. Дверь открылась...

В следующую минуту лицо Марины перекосила гримаса муки, ужаса, и, отступив, она вдруг заорала нестерпимо громко, истерически, страшно...

Глава 8

ШУТОЧКИ ПОКОЙНИКА

– Илья не звонил? – спросил Сергей, после утренней тренировки входя в кухню.

– Да, как же, позвонит, – бросила от плиты Карина. – Небось, в реанимации истощенного любовью откачивают... Ненасытный сапог!..

– Странно, – Сергей уселся за стол. – Не может быть, чтобы он не позвонил. Странно.

– А чего странного-то, он сейчас, наверное... – собиралась отпустить очередную срамную шуточку Карина, но Сергей перебил ее:

– В общем, так. Сегодня посидите дома на всякий случай. Непонятно что, но что-то происходит. Кому-то мы стали небезынтересны.

– Сергуня, давай я с тобой поеду. А? Раз Илья от любви все на свете забыл. Надоело мне у плиты да у плиты. Вон Басурман пускай национальное блюдо из горбуна нам приготовит. «Почки сумасшедшего горбуна по-гвинейски». «Горбун под шубой» или еще какую дрянь... Я все съем, лишь бы не самой готовить. Обрыдло!..

Сергей не слушал – он пытался понять, почувствовать присутствие враждебной силы. Последнее время было много странностей. Кошачьи головы, трансформер или коротко, подомашнему, Транс, как называла Карина вломившегося в квартиру мужика. Но сейчас Сергей чувствовал, что все не то. Сейчас он ясно ощущал, что за квартирой ведется наблюдение. Кто? С какой целью? Это предстояло узнать. Сегодня за ночь три раза срабатывала сигнализация у его «жигулей», и он три раза спускался во двор – осматривал машину, но не находил никаких следов злого умысла. Правду сказать, ветер ночью был сильный, где-то все время хлопала дверь. Один раз он заметил возле машины какую-то тень. Он схватился за бинокль... Но разглядеть ничего не успел. Значит, срабатывала сигнализация не напрасно... Эх! Зря он Илью перед уходом не предупредил, чтобы был осторожнее. Можно было, конечно, позвонить Жанне на работу и выяснить судьбу Ильи; но Сергей не стал делать этого, а решил подождать до двенадцати, и если уж он не появится, то ехать к первому свидетелю самостоятельно.

– ...А то, ядрена вошь, все я да я. Ну что, поедим?!

Карина все это время продолжала клясть свою бабью судьбу, но Сергей ничего из ее разговора не уловил.

– Куда? – спросил он.

– Как куда? Я тут, ешки-матрешки, распинаюсь перед тобой. Ну, короче, берешь меня сегодня или нет?

– Когда нужно будет, возьму, – отрезал Сергей.

К двенадцати Илья не вернулся.

Спускаясь по лестнице во двор, Сергей ощутил вдруг внутреннее напряжение. Это было предчувствие, которому он доверял, которому не мог не доверять. Так бывало у него всегда в момент опасности, смертельной опасности. Впервые предчувствие пришло в Афганистане, после первого ранения, и с тех пор не раз спасало его жизнь. Поэтому, когда он выходил из парадной, был готов к чему угодно.

Сергей заметил, как что-то блеснуло на противоположной крыше. Он сделал шаг из парадной, но тут же отступил назад, потому что буквально физически ощутил опасность. Умом он еще не успел сообразить, откуда она грозит, приказала интуиция, а он научился слушаться ее. Интуиция выиграла у смерти мгновение, вновь сохранив Сергею жизнь. Как раз на то место, где он стоял, с ужасающим хлопком рухнул большой пласт штукатурки.

Сергей тут же, не теряя ни секунды, выскочил из парадной и посмотрел вверх. Пласт штукатурки отслоился под самой крышей. Окон рядом не имелось, и добраться до этого места можно было, пожалуй, только спустившись с крыши на веревке, и, отколупнув на Сергея пласт

штукатурки, мгновенно вспорхнуть обратно. Практически осуществить подобную акцию не представлялось человеческой возможности. Это было видно сразу.

Возможно, конечно, случайность! Но не очень-то верил Сергей в такие случайности.

Переднее колесо его автомобиля было спущено. Не зря, значит, трижды срабатывала ночью сигнализация. Но зачем его выманивали во двор ночью? Странно. Очень странно...

Сергей поменял колесо, так что выехал из дома в полдень. Илья так и не появился.

Сергей крутился на машине по городу около получаса, высматривая слежку, но, не обнаружив, поехал к свидетелю.

Иван Антонович Приходько жил в районе новостроек.

Сергей на всякий случай оставил машину на платной стоянке неподалеку и к дому пошел пешком вдоль обширного, густо заросшего кустами и мелкими деревцами оврага, на дне которого пролегал мутная и вонючая речушка. Осень уже была в разгаре, листья на кустах частью облетели. Сегодня день выдался солнечный. На сердце у Сергея было легко и весело, омрачала радостный день сегодняшняя случайность с куском штукатурки. Ну, да случайностей никому не миновать. Сейчас, в хорошую погоду, он был уверен в том, что это случайность, хотя... если бы не кошачьи головы. С каждым днем количество поставляемых голов уменьшалось. Получалось, что через три дня что-то случится...

Сергей сорвал сухую травинку и стал жевать ее, поглядывая по сторонам. Овраг был с левой стороны, с правой – возвышались корпуса новостроек. Сергей с беспечным видом шел по тропинке и размышлял о событиях последних дней. Кроме всего прочего, появление чернявых, похожих на Басурмана людей, еще и с пистолетами в карманах настораживало. Отчего-то Сергею казалось, что появились они не напрасно и, может быть, это их штучки...

Что-то словно толкнуло Сергея в спину, заставив оглянуться. Только боковым зрением он уловил движение – сзади за кустом кто-то махнул рукой... В следующее мгновение Сергей плашмя рухнул на землю и закрыл руками затылок. Сработал условный рефлекс, выработанный за время службы в Афганистане. Условный рефлекс снова, уже в мирное время, спас ему жизнь...

Это была не граната. Над головой что-то с бешеной скоростью прошипело, потом через секунду прошипело в обратную сторону.

«Бумеранг – вернулся, – подумал Сергей. – Откуда здесь бумеранг? Ну, погоди у меня, сволочь!»

Он вскочил с земли и бегом бросился к кусту, из-за которого в него метнули смертоносное оружие.

Подбежав к краю оврага, Сергей огляделся – в кустах никого не было. В пятнадцати метрах, у зловонной речушки, он увидел стайку ребятишек.

– Эй, пацаны! Вы здесь кого-нибудь видели?!

– Он вон туда побежал, – крикнул один паренек, указав пальцем в сторону кустов, растущих вдоль оврага.

Растительность в овраге была густая, и, хотя листья оставались не везде, просмотреть ее было непросто. Сергей побежал в указанном ребятами направлении. За кустами он увидел фигуру в синем плаще, но фигура не удалялась, а стояла на месте. Сделав еще несколько шагов, Сергей смог наконец разглядеть, что это молодая женщина. Увлечшись разглядыванием женщины, он чуть не проскочил мимо...

«Ага!..» – прошептал Сергей, вглядываясь в гущу кустов.

В нескольких метрах от него, внизу, ближе к речушке, под раскидистым кустом тихонько лежал мужчина. Сверху заметить его действительно было мудрено, настолько его серое пальто сливалось с землей. Он лежал затаившись, без движения.

Сергей, зорко следя за лежащим человеком, бесшумно обошел куст. Он был предельно осторожен: кто знал, чего еще можно ожидать от ловкого метателя бумеранга.

«Сейчас сделаю тебе козью рожу, будешь кидать в меня всякой дрянью австралийской», – думал Сергей.

Он мягко, как кошка, подошел к лежавшему. Человек не пошевелился. Сергей остановился над ним.

– Вставай, только медленно. Убью, – негромко проговорил Сергей, приняв стойку. Лежавший не пошевелился.

«Хитрит, прикидывается», – подумал Сергей. Такие штучки ему были уже известны.

– Я сказал, вставай, – повторил он.

Человек не пошевелился.

Сергей не сильно, но чувствительно толкнул его ногой.

Бесполезно – человек не шелохнулся. Тогда Сергей схватил его за пальто и резко перевернул на спину. Перед ним оказался перепачканный в земле тип, к щеке его прилипла раздавленная гусеница. Тип замычал, открыл один подбитый глаз и, не присматриваясь, сквозь сон проговорил то, что, должно быть, волновало его:

– Гальваническое присоединение трансцендентно нулю...

На Сергея пахло недорогой, производимой из технического спирта водкой подпольного предприятия, располагающегося в подвале соседнего дома. Подбитый глаз закрылся, давая понять, что аудиенция закончена.

Сергей досадливо цокнул языком и, оставив спящего человека в покое, стал подниматься из оврага.

На сей раз это была уже не случайность, и он совершил промах, не поймав злоумышленника. Исходя из этого следует ждать новых покушений, и нужно все время быть настороже. Хотя последние полгода с того дня, как он встретился с этим новгородским пареньком, он все время настороже. Сергею казалось, что Илья притягивает опасность и получается всегда так, что жизнь вокруг него буквально кипит. Поэтому отпускать от себя Илью он не хотел ни в коем случае, это был его талисман. Разве те десять лет после Афгана, до того как встретился с Ильей, Сергей жил? Он существовал в воспоминаниях, снимая стрессы каждодневным дроблением кирпичей во дворе своего дома. Интересно, а сейчас у него бы вышло раздробить кулаком кирпич?.. Рука отвыкла, зато появился охотник, готовый разбить ему башку экзотическим бумерангом или булыганом, попроще... Это было намного интереснее, чем крошить кирпичи и вспоминать... почти каждую ночь вспоминать Афган. И сейчас, поднимаясь в лифте к свидетелю, Сергей знал точно, что он на верном пути. И непременно придет час, когда, оторвавшись от охотника, он сделает круг и увидит его спину. И уже тогда он будет охотником, а он не промахнется.

На звонок никто не открыл. Сергей позвонил еще несколько раз, легкий холодок прошел по спине. Он взялся за ручку и надавил, замок щелкнул, дверь, тихонько скрипнув, открылась. Сергей, бесшумно ступая, мягко, как животное, вошел в прихожую. На полу посреди прихожей лежал зонтик, рядом сорванное с вешалки пальто. Он остановился, глядя на беспорядок в прихожей. Может быть, стоило повернуть назад? Эта мысль пронеслась в голове Сергея только мимоходом, в следующий момент он был уже возле двери в комнату, толкнул ее... И тут же отпрянул назад.

Прямо перед дверью, широко расставив руки, как будто хотел сгрести Сергея в охапку, сидел человек. И человек этот смотрел на Сергея недвижимыми, мутными глазами. Восковой белизны лицо его было в кровоподтеках, на щеках и на лбу алые полосы.

Сергей сделал шаг в комнату и огляделся. Покойник держался и не падал за счет сложно переплетенных веревок, которые растягивали его руки в разные стороны, также веревка была накинута ему за шею и крепилась к люстре. За счет всех этих маленьких хитростей и создавалось впечатление, что он сидит, широко расставив руки. Приглядевшись к его лицу, Сергей

понял, что красные полосы, которые поначалу он принял за раны, нанесены обычной дамской помадой, напоминая по рисунку раскраску североамериканского индейца, вставшего на тропу войны. Воинственный раскрас никак не вязался с радушно разведенными в стороны руками; за счет зацепленной за люстру петли, голова была слегка повернута в сторону, придавая радушно расставленным рукам некоторую двусмысленность и вызывая недоверие в искренности жеста. Все это выглядело по-клоунски уморительно смешно. Вероятно, тот, кто все это устроил, и добивался этого эффекта. И эффект очень даже удался. И если бы это был привязан не мертвый человек, то ценивший хорошую шутку Сергей от души бы расхохотался. Но он даже не улыбнулся, хотя представление с радушным покойником было устроено для него. И он это знал.

Сергей, пригнувшись под натянутой через всю комнату веревкой, пробрался за спину радушного хозяина, внимательно осматривая большое количество оплетавших его веревок и резинок. Такое сложное переплетение требовало, пожалуй, немалой фантазии, навыка; и убийца потрудился на славу, стараясь придать покойнику эту странную позу. А ведь что-то она означала, возможно, это даже было «письмо», которое требовало прочтения.

Сергей огляделся по сторонам. В комнате не было ничего особенного. Стеллаж с книгами, к которому была привязана одна из рук убитого, сервант, диван, возле которого засохла кровавая лужа. Должно быть, там его убили и после уже, перетащив к двери, усадили для смеха встречать гостей. Рядом с кровавой лужей лежало удостоверение. Сергей поднял его, открыл... Жар ударил в лицо. Не может быть!.. Сергей изумленно вертел удостоверение в руках. Это было удостоверение с его фамилией, с его фотографией... Это было его удостоверение, его старое удостоверение клуба парашютистов. Но откуда оно здесь?..

Сергей сунул удостоверение в карман и стал внимательно оглядываться крутом. Рядом с окном он заметил книгу с китайскими иероглифами на обложке. Поднял ее, это была «Книга перемен» – его книга. Сергей ни на мгновение не усомнился в этом. В одной из веревок, которыми было перемотано для устойчивости тело убитого свидетеля, был закручен сложенный китайский веер. Сергей узнал его. Он бросил взгляд на убитого, как будто тот может встрять со своими возражениями, не хотелось ему трогать эту сложную веревочную конструкцию, но без того, чтобы не потревожить убитого, нельзя было достать и веера. Сергей потянул за веревку, чтобы ослабить натяжку. Но не тут-то было. Покойник только чуть накренился в его сторону. Сергей потянул сильнее, другой рукой освободив веер, отчего веревка сразу ослабла... И тут только он понял, зачем тело покойника оплетало такое количество веревок и резинок.

Отпущенная веревка полностью ослабила руку, отчего через веревочное хитросплетение освободилась и вторая рука, в движение пришли прикрепленные на спине резинки – разведенные руки сошлись... И мертвец вдруг, как живой, не звонко, но явственно хлопнул в ладоши. Странно и страшно прозвучал этот хлопок, предназначавшийся всякому, кто вынет веер с отпечатками пальцев Сергея: либо следователю, как последнее «Браво!» покойника, либо Сергею, обнаружившему свою вещь... Так или иначе, но, сделав свой последний двусмысленный жест, покойник всем корпусом повернулся в сторону Сергея, показав еще раз свое раскрашенное лицо, потом сделал движение, будто собираясь встать, но не довел до конца и повалился на пол, сдвигая по пути стул. Но поверхности его достигла только нижняя часть туловища, верхняя же осталась висеть над полом, удерживаемая за счет веревки, связывавшей шею жертвы и люстру. Сергей проследил за медленными действиями мертвеца. Было во всем этом представлении нечто до тонкостей продуманное и в то же время спонтанное и вдохновенное, как детская шалость. А это, должно быть, и была шалость.

Сергей, прижимая к груди собранные по комнате вещи, переступил через ноги мертвеца и выскочил на лестницу. Снизу двигался лифт. Сергей спустился на несколько ступенек, остановился, прислушиваясь; сквозь гудение лифта он услышал шаги поднимающихся людей. Он легко взбежал на верхний этаж, дернул дверь чердака – закрыто. Наверняка это спешит вызван-

ная убийцей милиция. Сергей огляделся по сторонам. Возле чердачной двери было темно, он вжался спиной в угол... Нет, найдут...

– Наверху возле чердака посмотри! – сказал кто-то из поднимающихся.

– Ладно! – ответил другой голос.

Человек в милицейской форме поднялся к чердаку, дернул за ручку, проверил навесной замок, заглянул в дальний самый темный угол возле чердака; под сапог что-то попало, это была книга; он поднял ее, посмотрел на обложку и, увидев китайские иероглифы, бросил книгу обратно на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.